

Станислав Стратиев

Мамонт

Станислав Стратиев

Мамонт

www.stanislavstratiev.org

Мамонт

© Станислав Стратиев, 1990. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2014. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Антонов, Отец – доцент, специалист в области языкознания, 50 лет

Марта, Мать – преподаватель консерватории по классу композиции, его жена, лет 35 – 40

Божидар, Сын – учащийся, 19 лет

Тихов – повар, лет 60

Кузина.

Косишкий.

Мясник.

Участковый.

Холл в квартире Антоновых. На стенах – картины. На видном месте – настенные часы. Пианино. Огромный книжный шкаф. На нем – полированный бронзовый бюст. В углу – большая китайская ваза с букетом цветов. Слева и справа – двери, одна из которых ведет в спальню, другая – в коридор, из которого можно попасть в кухню, ванное помещение и еще в одну комнату. Посередине холла – празднично сервированный стол. Сын в праздничной одежде кладет на стол недостающие приборы. Входит Мать в элегантном вечернем платье с двумя подсвечниками в руках, останавливается и молча ищет взглядом подходящее место на столе, куда можно их поставить. Из дверей, ведущих в спальню, появляется Отец в нарядной белой рубашке, на ходу повязывая галстук.

ОТЕЦ. Швейная машинка смазана?

МАТЬ. Конечно.

ОТЕЦ. Прокола не получится?

МАТЬ. Работает как часы.

ОТЕЦ. А с иглками как?

МАТЬ. Полный комплект.

ОТЕЦ. Есть и вышивальные?

МАТЬ. Естественно.

ОТЕЦ. А оверлог?

МАТЬ. В порядке.

ОТЕЦ. Бортовкой запаслись?

МАТЬ. Метров десять.

ОТЕЦ. Нитки, ватин, ситец?

МАТЬ. Всего достаточно.

ОТЕЦ. Значит, никаких проблем?

МАТЬ. Проблемы есть.

ОТЕЦ. Какие?

МАТЬ (*молчит*).

ОТЕЦ (*с тревогой*). В чем дело – может, машинка не марки "Зингер"?

МАТЬ. "Зингер". Причем именно 1934 года выпуска.

ОТЕЦ. Тогда что же еще?.. Да говори же скорее, будь добра, у нас осталось всего минут пять!.. В чем дело?

МАТЬ. Шампанское я обнаружила в морозилке.

ОТЕЦ. Как? Оно же замерзло!! У Тихова может сразу заболеть горло – и все пропало!

МАТЬ. Я уже его вынула, но боюсь, что поздно.

ОТЕЦ. У него же могут распухнуть гланды!.. (*Сыну*) Тебе было поручено одно-единственное задание: остудить шампанское.

СЫН. Я остудил.

ОТЕЦ. Остудить – это одно, а заморозить – совсем другое! Не понимаю: чем занята все это время твоя голова!..

СЫН. Не надо паниковать. У Тихова, может, вообще нет гланд.

ОТЕЦ. Ну да, он специально сходил, чтобы ему удалили!.. Знал, что именно ты будешь охлаждать шампанское!

МАТЬ (*нервно*). А ведь я тебя предупреждала: горло Тихова – штука тонкая!!

ОТЕЦ. Все задуманное летит ко всем чертям!..

СЫН. И с чего это на вас сразу столбняк напал!.. Подумаешь: Тихов да Тихов!.. В конце концов он самый обыкновенный повар!.. В честь чего это вы перед ним так пресмыкаетесь?..

ОТЕЦ. Вовсе не обыкновенный!..

СЫН. Ладно. Знаю. Он состоит поваром при высокопоставленной особе. Ну и что с этого? А вы вдвоем владеете семью языками. Только вот вы их все до одного проглотили!..

ОТЕЦ. Проглотили, потому что Тихов владеет всего одним языком – телячьим, и может с легкостью добиться большего, чем нам удалось за всю жизнь!..

МАТЬ (*нервно*). Ты прекрасно знаешь, что все зависит от этого, как ты его называешь, самого обыкновенного повара!.. И то, что для нас он не просто самый обыкновенный, а можно сказать, самый близкий друг!.. И что есть вопросы, которые не в состоянии решить сам министр, и которые Тихов решает запросто между холодной закуской и супом!..

ОТЕЦ. Тихов не ест супа.

МАТЬ. Знаю. Я это говорю так, примерно. И дело-то вовсе не в Тихове. Он это прекрасно знает, но решил нас позлить!.. (*Кивает на Сына.*)

ОТЕЦ. Может, его нагреть?

МАТЬ (*с досадой*). Опомнись, как-никак ему уже восемнадцать!..

ОТЕЦ (*нервно*). Я имею в виду вино!..

МАТЬ. Как ты собираешься это делать?

ОТЕЦ. Феном.

МАТЬ. Не перестарайся. Теплое будет еще хуже.

ОТЕЦ. Просто это мне пришло в голову. (*Выходит.*)

МАТЬ. Я с ума сойду от напряжения... (*Растирает виски.*)

СЫН. А если Тихов скажет: "Нет!"? И ничего не уладит?

МАТЬ. Не скажет. Раз он согласился прийти к нам сегодня на ужин, зачит, уладит. Можно уже идти покупать билеты на поездку в Вену.

СЫН. Значит, три билета бизнескласса?

МАТЬ. Я тебя не понимаю – ведь в Вене ты просто заново родишься. Будешь учиться в Вене, в венском университете...

СЫН. Кушать венские булочки...

МАТЬ. Да. Венские булочки!.. Или, может, ты на всю жизнь предпочитаешь пересоленный тутманик?

СЫН. Нет, не предпочитаю.

МАТЬ. Что-то не похоже.

СЫН. Да перестаньте вы с этим шампанским!.. Я думал... чтобы по-быстрому...

МАТЬ. Ты вообще не думал!..

СЫН. Я говорю серьезно...

МАТЬ. Серьезно – это горло Тихова!.. Сколько раз тебе надо повторять, что все зависит от того, какое впечатление сложится у него, у Тихова! Важно все, до мельчайшей подробности!.. Он для нас – последняя инстанция. Выше – только Господь Бог!.. Но ты, дорогой, ничего не слышишь, не думаешь, не соизволишь обратить хотя бы чуточку внимания на детали!.. Для тебя сто градусов выше, сто градусов ниже – это пустяк, не имеет значения!.. Зачем зря ломать голову, что имеется в виду – Уругвай или Парагвай?! Большое дело!.. Всего какие-то две буквы!.. Зато мы изобрели азбуку!..

СЫН. О`кей, о`кей, да здравствуют детали!..

МАТЬ. И к чему я только затеяла этот бессмысленный разговор?..

(Неожиданно срывается, кричит.) Ты можешь помочь мне хоть раз?!..

В конце концов я тебя родила!!

СЫН. Ладно, ладно, мама, ты только не волнуйся... Что нужно сделать?

МАТЬ. Принеси еще один подсвечник. *(Сын направляется к двери.)*

Хотя нет – подожди! погоди, дай подумать!.. *(Сын останавливается.)*

...

(Пауза.)

МАТЬ. ...В сущности, да... принеси еще один... (*Сын трогается с места.*) ...Нет, погоди!..

СЫН (*останавливается*). Мама, что с тобой?

МАТЬ (*задумчиво*). Я сомневаюсь...

СЫН. Да ты у нас прямо Гамлет.

МАТЬ (*не обращает внимания на его слова*). Все-таки – два... или же три...

СЫН. Может, сбегать за черепом?..

МАТЬ. Не мешай мне. (*Думает.*)

СЫН. Послушай, пожалуйста, ну чего тут сомневаться, какая разница?

МАТЬ (*расхаживая по комнате*). Огромная. (*Раздумывает.*)

СЫН (*с иронией*). Для Тихова?

МАТЬ (*по-прежнему задумчиво*). Нет, для китайцев. (*Продолжает ходить.*)

СЫН (*изумленно*). Для китайцев?!.. (*Смотрит на мать с тревогой.*)

МАТЬ (*все так же задумчиво*). Для китайцев число означает символ.

По-ихнему "два" – это одно, а "три" – совсем другое.

СЫН (*со вздохом*). Нет, не выдержала!.. (*Подходит к дверям и зовет.*)

Отец, отец!.. Маме опять плохо!..

МАТЬ. Не говори глупостей, речь идет о китайской символике!.. Не мешай мне думать!..

СЫН. Какая символика, у тебя просто ум за разум зашел!..

МАТЬ (*пытается объяснить*). Для китайцев числа – нечто особое. По их традиции числа могут означать философское учение, поэтическую школу или послание...

СЫН. Да причем тут китайцы?! Где ты здесь видишь китайцев?!

МАТЬ. Тихов работал в Китае. В годы молодости. В посольстве.

СЫН (*изумленно*). Думаешь, он станет пересчитывать подсвечники?!

МАТЬ. Ничего нельзя упускать из виду. Это одна из подробностей.

СЫН. Господи!.. Да какая разница?

МАТЬ. Разница огромная. "Два" означает глаза друга, полные обожания. А "три" – самое что ни на есть китайское число: три великих правила, три главных различия, тройная поддержка...

СЫН. А наше послание Тихову это что – тройная поддержка?

МАТЬ. Комбинация здесь другая: "Три года упорного труда – тысяча лет счастья!"

СЫН. Погоди!.. Откуда тебе известны эти китайские премудрости?..

Ты ведь преподаватель консерватории!..

МАТЬ. Я на скорую руку ознакомилась с историей Китая.

СЫН. С историей Китая?!

МАТЬ. Да, последних одиннадцати столетий.

СЫН. Но на это уходит лет десять!!

МАТЬ. Надо же как-то поддерживать разговор.

СЫН. Господи!..

МАТЬ. Принеси, будь добр, еще один подсвечник!..

СЫН (*трогается с места*). С ума сойду!.. История Китая!.. Ничего себе подробность!.. (*Выходит.*)

ОТЕЦ (*появляется из другой двери с биноклем в руке*). Все по местам!!..

Тихов на подходе!!.. (*Исчезает за дверь.*)

СЫН (*входит*). Можно было приготовить ласточкино гнездо, начиненное червяками. (*Протягивает матери подсвечник.*)

МАТЬ (*устанавливает подсвечник на столе*). Тихову не нравятся здешние черви.

СЫН. Или развесить на стенах дацзыбао с надписью: "Тысячу лет кормчему Тихову!"

МАТЬ. Будь добр, прекрати молоть глупости, обуздай свое неукротимое чувство юмора. Тихов-то уже на подходе. Сейчас все решится. Я тебя умоляю: соберись, будь тише воды, ниже травы, прикуси язык, законсервируй мозг, все что угодно – только веди себя как нормальный человек!.. Подумай в конце концов хоть раз и о нас, твоих родителях!.. Ох, рубашку... рубашку оправь!.. Да не там!.. (Одергивает рубашку.) И погаси этот свой идиотский блеск в глазах, держись непринужденнее!..

СЫН (*улыбаясь во весь рот*). А так я выгляжу естественно?

МАТЬ. Вот увидишь – зашью тебе рот!..

Пауза. Мать и Сын осматривают друг друга, приводят в порядок одежду, волосы... Напряженность возрастает, а Тихов все не появляется...

СЫН. Может, мне шляпу надеть?

МАТЬ. Какую еще шляпу?!

СЫН. "Борсалино", 1934 год. Купил на барахолке.

МАТЬ. Я готова тебя убить и отсидеть срок!

СЫН. Это тоже деталь.

МАТЬ. Ты можешь замолчать?..

СЫН. Потом не говори: "Почему ты не надел "борсалино"?!"

МАТЬ. Если ты не прикусишь свой язык...

Мать замолкает, потому что в этот момент входят Отец, Тихов и шикарно одетая хорошенькая молодая женщина. Тихов – мужчина лет шестидесяти, низкого роста

с простецким лицом. Одет в клетчатый пиджак, на шее – бархатный галстук-бабочка вишнево-красного цвета. Ведет себя как человек, который может все. В его поведении ощущается маниакальный отголосок сознания неограниченности собственной власти.

ОТЕЦ. Знакомьтесь! Моя семья!..

ТИХОВ (*не обращая внимания на хозяев, окидывает взглядом холл и неожиданно... выходит*).

Хозяева безмолвно застывают посреди холла. Молодая гостья усаживается в кресло, закуривает и, забросив ногу на ногу, медленно пускает вверх кольца дыма. Тихов входит и принимается медленно, обстоятельно осматривать холл. Дойдя до китайской вазы с цветами, принохивается, качает головой и, достав из кармана флакончик парфюма, обильно сбрызгивает цветы. Дойдя до бронзового бюста, некоторое время сосредоточенно смотрит на него, потом поворачивает бюст лицом к стене и, осмотрев тыльную часть, возвращает бюст в исходное положение и идет дальше. Проходя мимо одной из картин, проводит пальцем по раме – нет ли пыли... И довольно долго смотрит на палец. После этого, окинув взглядом потерявших дар речи хозяев, направляется к пианино. Некоторое время молча смотрит на инструмент, потом поднимает крышку и, задержав ее секунды две в таком состоянии, опускает и говорит, обращаясь к своей спутнице:

ТИХОВ. Первая дверь слева.

Молодая женщина встает и грациозной походкой, не спеша направляется к двери, ведущей в спальню. Войдя туда, она закрывает за собой дверь. Хозяева в полной растерянности, не знают, как быть.

ТИХОВ. Я могу вымыть руки?

ОТЕЦ. Конечно. Марта!.. Божидар!..

Мать и Сын быстро выходят и буквально через секунду возвращаются с большим сосудом, полным воды, и полотенцем. Тихов, несколько раз окунув руки в воду, вытирает их полотенцем, которое подает ему Отец.

ТИХОВ. А вся-то разница: Пилат умыл руки в конце, а я умываю вначале. *(Смеется, довольный своей шуткой.)*

Мать подает посудину с водой и полотенце Сыну, который их выносит.

ОТЕЦ *(кивает головой в сторону спальни)*. Ваша супруга случайно не заболела?

ТИХОВ. Нет, она здорова. Просто задержалась в Швейцарии. Может, там и зазимует. Маленько сэкономить на топливе не помешает, разве не так?.. Ха-ха-ха!.. *(Хохочет.)*

МАТЬ. А мы подумали...

ТИХОВ. Что?.. Нет. Это моя двоюродная сестра. *(Подходит к столу, садится.)* Ну так что, может, сядем за стол?

ОТЕЦ. Ждем вашей команды, товарищ Тихов.

ТИХОВ. Я здесь гость, команду подают хозяева.

МАТЬ. В самом деле, разумнее всего приступить к ужину...

ТИХОВ. Вот-вот, начнем с того, что приступим... *(Деловито снимает часы, садится и кладет их на стол перед собой.)*

Супруги, к которым присоединяется их Сын, тоже садятся за стол.

ОТЕЦ. А ваша кухня... она...

ТИХОВ. Она свое дело знает. *(Наливает себе полную рюмку.)* Ну что?!.. Будем здоровы!.. *(Выпивает напиток до дна. Мать и Отец, которые поднялись, чтобы чокнуться с гостем, на минуту застывают с протянутыми в пустоту руками и садятся... Тихов снова наливает себе рюмку. Все повторяется в прежнем виде.)*

МАТЬ. А что вы скажете, если мы поужинаем при свечах?

ТИХОВ. При свечах?.. Что ж, это можно!.. *(Наливает себе.)*

МАТЬ. Как сказал Конфуций, пламя свечи есть око мудрости.

(Зажигает свечи.)

ТИХОВ. Надо быть, так оно и есть... *(Пьет.)*

МАТЬ. Божидар, тебе не трудно погасить свет?

Сын встает и выключает свет. В полумраке мерцают огоньки свечей. Все сидящие за столом молча смотрят на это мерцание. Неожиданно Божидар вскакивает.

СЫН. Вот это да!!..

МАТЬ. Что с тобой, Божидар?

СЫН. Вы только гляньте! Видите, что там?.. *(Указывает на стену.)*

Все молча уставились на стену. Там при мерцающем свете свечей в полумраке заметны очертания мамонта. Пятно коричневого цвета на стене похоже на проступившую влагу, своими контурами оно напоминает облик давным-давно вымершего доисторического животного. Пауза.

СЫН. Мамонт!..

ОТЕЦ. Черт бы его побрал!

МАТЬ. Только этого не хватало!..

ТИХОВ (*внезапно достает из кармана пистолет и производит три выстрела в "мамонта"*). Нет, он не живой. (*Прячет пистолет.*)

При звуках выстрелов Тихова хозяева цепенеют. В этот момент дверь спальни распахивается и на пороге появляется Кузина.

КУЗИНА. Что – пора раздеваться?

ТИХОВ. Исчезни. Не сейчас. Просто я тут стрелял в мамонта.

Кузина пожимает плечами и, возвратившись в спальню, плотно закрывает за собой дверь. Хозяева постепенно приходят в норму. Тихов недоверчиво косится на "мамонта".

ТИХОВ. Ну, это уже другой вопрос!..

МАТЬ. Очень странно – он появился, когда зажгли свечи.

ОТЕЦ (*пытается каким-то образом выйти из положения*). А что тут странного? В Азии распространены особые мази с примесями из стертых в порошок сердец драконов и желчи черных змей. Если такой мазью смазать фитиль и зажечь свечу, то во время ее горения у всех присутствующих возникают видения. Им мерещится, будто они превращаются в слонов, или что у них выросли собачьи головы, или что в помещении кишмя кишат мамонты... Все зависит от пропорций.

Ты где купила эти свечи?

МАТЬ. В центральном универмаге.

ОТЕЦ. Тебе подсунули те самые азиатские свечи. Вероятно, их закупили в Камбодже.

МАТЬ. На упаковке значится наш производитель – государственное предприятие. И название указано.

ОТЕЦ. Мало что там указано!..

ТИХОВ (*качает головой*). Э, нет, кажись, это не та музыка!..

(*Смотрит на "мамонта".*)

МАТЬ. А может, их потом намазали?

ОТЕЦ. Вполне возможно. Божидар, это твоя работа?

СЫН. Сам подумай: ну где я мог бы раздобыть сердце дракона?

МАТЬ. Да найдись у нас в Болгарии хоть один дракон, ты его обязательно заполучишь!..

ОТЕЦ. Лучше признайся... добровольно!..

СЫН. Мне не в чем признаваться.

ОТЕЦ. Подурачился – и хватит. Получилось очень смешно.

СЫН. Честное слово, я тут ни при чем. И номер этот мне вообще не известен.

ОТЕЦ. Да ты понимаешь, что натворил!.. Испортил вечер!

СЫН. Ничего я не намазывал. По-моему, это и есть тот самый мамонт.

ОТЕЦ. Что значит – тот самый?

СЫН. Про него рассказывала бабушка. Который бродит по новостройкам. Вы разве не помните?..

МАТЬ. Нет, не помним. Бабку твою хлебом не корми – дай послушать досужие вымыслы, которые она потом распространяет, принимая за чистую монету.

СЫН. Ну как вы могли забыть?.. Про пятно, что появляется на панелях в разных районах Софии. Похожее на мамонта!.. Неужели не помните?.. Панельное привидение!..

МАТЬ (*обращаясь к Тихову.*) Это чушь, бабьи сказки!.. Бабке нашей везде мерещатся привидения!..

ОТЕЦ (*с упрёком*). Божидар, ты же вроде современный молодой человек!..

ТИХОВ. Что? Панельное привидение?

СЫН (*поясняет*). Да, оно бродит по новым жилым кварталам.

Появляется там, где было совершено преступление.

ТИХОВ. Преступление?

СЫН. Да, которое осталось не раскрытым.

МАТЬ. Послушай, ты соображаешь, что говоришь?.. Какие еще привидения?.. К твоему сведению, это тебе не Шотландия – здесь София, Болгария!.. И здесь нет ни призраков, ни ведьм, ни фамильных привидений!..

ОТЕЦ. История этого панельного призрака весьма любопытна и вполне объяснима. Прежде всего речь идет о том, что наш народ жаждет справедливости, наказаний для преступников. Это реакция на беззаконие. Своего рода тоска по нравственности. В былые времена, когда некому было ополчиться против турок, наш народ создал образ легендарного богатыря. Крали Марко. Мотив, известный творчеству любого народа. Не удивительно, что панельный фольклор обзавелся своим призраком, своим привидением, этого следовало ожидать.

Только ведь на практике ничего подобного не существует. Никакого мамонта нет. Стоит погасить свечи, и все исчезнет. Мамонт – это всего-навсего галлюцинация, порождение нашего мозга. Об этом говорится во всех трудах по парапсихологии.

ТИХОВ (*Божидару*). А ну-ка, потуши свечи!.. Нет, стой!.. Сперва запали лампы!..

Сын включает свет, задувает свечи. Тихов недоверчиво разглядывает "мамонта".
Пауза.

ОТЕЦ. Обычно через одну-две минуты галлюцинации исчезают.

Все смотрят на пятно, проходит минута, две, но "мамонт" остается на месте. И явно не намеревается исчезать.

ТИХОВ (*озадаченно*). Твою мать!..

МАТЬ. Просто дым от свечей рассеялся еще не до конца.

ОТЕЦ. Божидар, отвори-ка окна в спальне, надо как следует проветрить. (*Сын направляется в спальню.*)

ТИХОВ (*недоверчиво*). Э, нет, тут пахнет чем-то другим!..

ОТЕЦ. Я уверен: все дело в свечах.

МАТЬ. А может, этот образ испаряется из нашего сознания не сразу?..

ОТЕЦ. Или же при наших условиях не испаряется вообще?

В этот момент Сын широко распахивает дверь спальни, и на пороге появляется Кузина, которая спрашивает:

КУЗИНА. Так мне раздеваться?

ТИХОВ (*нетерпеливо отмахивается*). Исчезни!..

Кузина поджимает губы и возвращается в спальню. Сын идет за ней, чтобы открыть окна спальни.

ТИХОВ. Мать его... в чем же тут загвоздка?! (*Подходит к пятну, рассматривает его.*)

СЫН (*выходит из спальни*). Дыма уже нет, даже сквозит..

ОТЕЦ. Возможно в наших условиях...

ТИХОВ. Твою мать!.. (*Озадаченно смотрит на "мамонта".*)

СЫН. А я что говорю? Это и есть тот самый мамонт!..

ТИХОВ. Какой – тот самый?

СЫН. Панельный призрак.

ОТЕЦ. Согласиться с таким решением, значит признать, что проблема находится исключительно в идеалистической плоскости. Нет, причина здесь явно другая.

ТИХОВ. Какая же?

ОТЕЦ. М-м-да!.. (*Задумывается.*) По-моему, это самая обыкновенная влага. У соседей прорвало трубу, вода просочилась в панель, и с нашей стороны образовалось пятно.

ТИХОВ. А какого черта оно смахивает на мамонта?

ОТЕЦ. Сегодня на мамонта, завтра – на верблюда. Ну кто может предугадать пути просочившейся влаги.

ТИХОВ. А в честь чего бурое?

ОТЕЦ. Да потому, что трубы ржавые. Разве вам не приходилось видеть, какая рыжая вода течет из труб после ремонта? И сама вода давно уже не бесцветная жидкость без вкуса и запаха, как когда-то мы учили в школе.

ТИХОВ. Я такого не учил.

ОТЕЦ. Но в этом же очень легко убедиться. Даже если вы этого и не изучали в школе.

ТИХОВ. Как?

ОТЕЦ. Да...

СЫН. Очень просто: проверить у соседей. Если у них лопнула труба...

ОТЕЦ. Будь добр, не вмешивайся в дела старших!.. Тебя не спрашивают!.. Хочу сказать, товарищ Тихов, давайте возьмем на пробу немного воды. И вы сразу увидите, что вода рыжая...

ТИХОВ (*Божидару*). Сходи к соседям, проверь!..

Мать и Отец переглядываются.

МАТЬ. Да, да! Сходи к ним и скажи, что в конце концов пора починить лопнувшие трубы.

ОТЕЦ. И пускай перекроют воду, а то как бы нас не затопило!..

СЫН. Ну, я пошел.

ОТЕЦ (*многозначительно*). Ты все понял?

СЫН. Понял. (*Выходит.*)

ОТЕЦ. Вот так и рождается сверхъестественное, необъяснимое – из-за какой-то прорванной трубы. Тут тебе и призраки, и привидения, и даже мамонты...

МАТЬ. Но если человек материалист, он способен с легкостью все объяснить. Поскольку ориентируется правильно. А это, скажем, для работы за границей незаменимое качество.

ОТЕЦ. Нельзя допускать ничего необъяснимого. Разве не так, товарищ Тихов?.. Необъяснимое вызывает чувство нестабильности.

ТИХОВ. Вот увидите: выяснится, что дело-то здесь в другом.

(*Подходит к стене, смотрит на пятно, похожее на мамонта, ощупывает его, пытается ковырять.*) Попомните мои слова!..

СЫН (*входит*). Трубы у соседей в порядке.

ОТЕЦ. Что ты хочешь сказать?

СЫН. Мы с соседом проверили – нет ни одной лопнувшей трубы.

МАТЬ. А на верхнем этаже?

СЫН. Тоже нет, мы проверили и там. Вообще, как говорит сосед, в этом деле и впрямь есть нечто сверхъестественное и необъяснимое. Именно то, что все трубы в полном порядке.

ОТЕЦ. Да, это в самом деле неестественно и необъяснимо.

МАТЬ. И самое главное – такого раньше не случалось никогда.

СЫН. В то время как остальное, мол, вполне естественно.

ОТЕЦ. Что он имел в виду под остальным?

СЫН. Мамонта и прочее.

МАТЬ. Ты рассказал ему про мамонта?!

СЫН. Надо же было как-то объяснить...

МАТЬ. Надо было только сказать, чтобы он починил трубы.

СЫН. Так ведь они в порядке!

ТИХОВ. А я вам говорил: дело-то здесь вовсе не в этом!..

ОТЕЦ. В конце концов бетон сохнет лет сорок. Что из того, что у него трубы в порядке?.. Возможно, причина в остаточной влаге.

СЫН. Сосед говорит: это кровь.

ОТЕЦ. Что?!

ТИХОВ (*торжествующе*). А я вам про что толкую!..

МАТЬ (*Божидару*). Ты соображаешь, что говоришь?.. Какая еще кровь?!

СЫН. Кровь замурованного в панели.

ОТЕЦ. И кто же он такой – этот замурованный в панели?!

ТИХОВ. А что я говорил: тут без замурованного не обошлось!..

МАТЬ. Божидар, ты прекратишь свои идиотские выходки? Нам сейчас не до шуток!..

СЫН. Но так утверждает сосед!..

МАТЬ. Не говори мне про этого типа!.. Он уже пытался меня уморить, а поскольку тогда ничего не вышло, опять пробует заварить кашу!

ОТЕЦ. Всему на свете есть предел!.. И только дикость нашего соседа беспредельна!..

МАТЬ. Понимаешь?.. Он пытается выставить меня здешней леди Макбет!..

ОТЕЦ. Ты только не волнуйся, тебе это вредно!.. Не обращай внимания!..

МАТЬ. Легко сказать – не обращай внимания, ты только вдумайся, какую чушь он несет: труп, замурованный в панели!.. Он просто свихнулся!..

ОТЕЦ. Не переживай!..

МАТЬ. Как тут не переживать!.. Труп в панели!..

ТИХОВ. Чисто сработано. По-итальянски.

МАТЬ. Что вы сказали?

ТИХОВ. Заталкивают убитого в бетон. Там его сам Господь Бог не найдет. Так и лежит до второго пришествия. Или до первого землетрясения.

ОТЕЦ. Товарищ Тихов, неужели вы допускаете...

МАТЬ. Да это смешно!.. Мы-то с вами как-никак люди интеллигентные! Оставим остальное в стороне, но ведь труп в панели попросту не может уместиться.

ТИХОВ. Все зависит от расфасовки. Покончишь с лопаткой, отдельно располовинишь бедра – и никаких проблем. Можно и два поместить.

ОТЕЦ. Товарищ Тихов!!..

ТИХОВ. Это легко. Трудно докопаться, кто – внутри.

СЫН. Уж не наша ли бабушка?..

ОТЕЦ. Ну причем тут наша бабушка? Прошло не больше трех часов, как она поднялась на крышу!..

СЫН. Я просто спросил!..

МАТЬ. Было бы лучше, если бы ты вообще помалкивал. Общение с соседом отразилось на тебе хуже некуда!..

ОТЕЦ. Такими вещами не шутят!

ТИХОВ. А что ваша бабуля делает на крыше в такую пору?

Пауза. Отец и Мать переглядываются. Вид у обоих крайне растерянный.

ОТЕЦ. Да как вам сказать... она... *(Не договаривает.)*

ТИХОВ. Годков-то ей сколько набежало?

ОТЕЦ. Восемьдесят.

ТИХОВ. Не старовата ли для роли голубя?

ОТЕЦ *(растерянно)*. Так ведь... она... мать то есть... как бы... человек деревенский...

ТИХОВ. И по такому случаю вы держите ее на крыше?.. Мы как бы все до одного деревенские!.. Как быть тогда – айда все на крыши?..

ОТЕЦ. Вы меня не так поняли...

МАТЬ. Она у нас немного особенная, чтобы уяснить себе, какая она, нужно ее узнать поближе.

ОТЕЦ. Да вы не подумайте, что она там на черепице сидит!.. Там есть такая площадка, где мы развешиваем белье сушиться, вот старики наши ее и облюбовали... Часто там засиживаются... Подышать свежим

воздухом... Внизу-то, сами понимаете, одни панели... Мы уже как-то притерпелись, а вот они...

ТИХОВ (*грубо обрывает его*). Она тебе кто – мать?

ОТЕЦ. Мать, однако...

ТИХОВ (*внезапно приходит в бешенство*). Без "однако"!.. Никаких "однако", когда говоришь о матери!.. Кончай с этим "однако"!.. Мать она тебе или не мать?!

ОТЕЦ (*в растерянности*). Мать.

ТИХОВ. А ты хоть знаешь, что такое – мать?

ОТЕЦ. Знаю, товарищ Тихов.

ТИХОВ. Ни хрена ты не знаешь, просто вообразил, что знаешь!.. Так вот сейчас я тебе растолкую, что такое мать. Ты рисунки, где показано, что наша Земля держится на трех слонах, знаешь?.. Океаны, корабли, черепахи, горы, люди – все на трех слонах...

ОТЕЦ. Да, так древние представляли...

ТИХОВ (*обрывает его*). Спрашиваю – ты их знаешь?!

ОТЕЦ. Да, я их видел.

ТИХОВ. То-то, а слонов этих держит кто? Мать!.. Стало быть: океаны, корабли, черепахи, горы, слоны, а под слонами – женщина. Мать!.. А вы вот ее, эту женщину, загоняете на крышу!..

ОТЕЦ. Товарищ Тихов...

ТИХОВ. Да что ты заладил: "товарищ Тихов", "товарищ Тихов"!.. Когда заставлял родную мать сидеть на крыше, будто она не человек вовсе, а голубь, тогда чихать хотел на "товарища Тихова", разве не так? А теперь слова не скажешь без "товарищ Тихов"! Да ты хоть понимаешь, что творишь?.. Ты же перевертываешь все вниз головой!.. Мать, она тебе что – зонтик, который можно открывать и закрывать

когда вздумается!!! Идет дождь – открываешь, перестал – закрываешь!.. А то и вовсе на крышу зашвырнешь!..

ОТЕЦ. Ну, зачем вы так, товарищ Тихов...

ТИХОВ. Эскимосы своих стариков бросают на съедение медведям, а ты вот свою мать загоняешь на крышу!.. Так чем же ты отличаешься от эскимоса?..

Тихов все больше распаляется, встает со стула и начинает ходить взад-вперед...
Хозяева молча наблюдают за ним, не зная, что делать...

ТИХОВ. На крышу!.. *(Прохаживается.)* По сточным желобам!..
(Прохаживается.) ...Около печной трубы!.. *(Прохаживается.)* ...По водосточным трубам!..

Привлеченная его выкриками, на пороге спальни появляется Кузина. Не успела она рот открыть, чтобы задать привычный вопрос по поводу раздевания, как Тихов в бешенстве орет:

ТИХОВ. Пошла вон!..

Кузина пожимает плечами и, возвратившись в спальню, плотно закрывает за собой дверь.

ТИХОВ. Мать!.. *(Продолжает метаться, разъяренный, готовый лезть на стену.)* А если полетит?..

ОТЕЦ. О чем вы?

ТИХОВ. Спрашиваю: а не ровен час – полетит... Что тогда?..

ОТЕЦ. Как это – полетит?.. Она не может летать.

ТИХОВ. Говоришь... не может?!

ОТЕЦ. Да...

ТИХОВ. Мать – и не может?!

ОТЕЦ. Да... насколько я знаю – не может...

ТИХОВ. Мать все может!.. Это я тебе говорю! Заруби себе на носу!..

Она единственная, кто может все!..

ОТЕЦ. Я это запомню, товарищ Тихов.

ТИХОВ (*внезапно*). У вас есть бортовка?

ОТЕЦ. Есть.

ТИХОВ. А швейная машинка?

ОТЕЦ. "Зингер", выпуск 1934 года.

ТИХОВ. И оверлог в порядке?

ОТЕЦ. В порядке.

ТИХОВ. А петли? Петли обметывает?

ОТЕЦ. Разумеется. Есть и пяльцы. Божидар!.. Марта!..

Мать и Сын быстро выходят, чтобы принести швейную машинку и все материалы, которые могут потребоваться Тихову. А он тем временем снимает пиджак, старательно подворачивает, рукава рубашки и принимается разминать пальцы рук. Не успел Отец отодвинуть от стола один из стульев и выдвинуть его на середину холла как в дверях появляется Сын, который толкает перед собой ножную швейную машинку марки "Зингер". Следом идет Мать, она несет целую кучу вспомогательных материалов. Сын поставляет машинку перед стулом, а Отец пододвигает еще один стул, на который кладут принесенные Матерью материалы. Хозяева замирают в благоговейном ожидании. Тихов с сосредоточенным видом садится за машинку, ласково гладит корпус и проворными движениями начинает обследовать ее части. Он похож на пианиста, причем не на простого исполнителя, а на большого мастера, пианиста-виртуоза, который готовится к главному концерту

своей жизни. Сделав глубокий вздох, Тихов... приступает к работе. Он как положено подкладывает бортовку, приводит машину в действие, старательно строчит шов, под конец принимается обметывать петли... Работает с упоением, просветлевшее лицо становится добрым, улыбчивым, казалось, будто он участвует в работе всем своим существом... Орудует ножницами... что-то подкладывает... отмеряет сантиметром... присматривается... А покончив с шитьем, он перерезает нитку большими ножницами, вздыхает полной грудью и широко улыбается.

ТИХОВ. Я всю жизнь мечтал стать портным. С малолетства. Вечером, бывало, ложусь спать и представляю себе, как режу сукно ножницами, подшиваю бортовку, обметываю петли... В уютге потрескивает жар, от которого струится дымок, на верстаке белеет кусок мела. Я расправляю лацканы!.. А в углу стоит швейная машинка... "Зингер"! Я даже название для своей портняжной мастерской придумал: "Малая Азия"!.. (Пауза.) И вдруг – заделался поваром!

Тяжело вздохнув, Тихов встает и подходит к столу. Рассеянно берет кусок мяса и начинает жевать.

ТИХОВ. Никак – перепел?

ОТЕЦ. Перепел, товарищ Тихов. Свежайший. Сейчас, конечно, не сезон, однако, узнав, что для вас, нам разрешили отстрел пары дюжин...

ТИХОВ (*жуёт*). Нашпигован салом...

МАТЬ (*встревожившись*). Вам не нравится, что он нашпигован?

ТИХОВ. Я не ем перепелов. Перепела – слабость шефа, хотя он в этом деле ничего не смыслит. Когда я ему готовлю перепела, запеченного в

баклажане, он требует срезать плодоножку. А этого делать нельзя, ее нужно только малость укоротить, чтоб получилась крышечка. Выколупаешь из баклажана сердцевину, намажешь его изнутри маслом, засунешь туда перепела и накроешь крышечкой. А если ножку отрежешь, то как тогда накрыть?.. Это уже будет не перепел в баклажане, а так – ни то ни се!.. Голубец какой-то!..

Тихов вздыхает еще тяжелее, проблем у него, вероятно, из-за конфликтов с шефом хватает, но такова жизнь, с этим ничего не поделаешь. Пауза.

СЫН. Ну так как – привести бабушку или не надо?

ОТЕЦ. Лучше не вмешивайся!..

ТИХОВ (*с недоумением*). Какую бабушку?

СЫН. Ту, что на крыше. Мать моего отца!..

ТИХОВ (*вспомнив*). А-а-а!...

МАТЬ. Божидар, не приставай к товарищу Тихову!.. Он лучше знает, что делать!..

ТИХОВ. А что она там делает, на крыше?

ОТЕЦ. Да... ведь...

ТИХОВ. Ну-ка, приведи ее.

Сын уходит, чтобы привести бабушку. Тихов садится за стол. Мать и Отец садятся тоже.

МАТЬ. Может, следует объяснить товарищу Тихову, что бабушка у нас со странностями.

ТИХОВ. С какими-такими странностями? (*Закуривает.*)

ОТЕЦ. Она старая женщина, товарищ Тихов, да и в школу не ходила вовсе.

ТИХОВ. Я тоже не ходил.

ОТЕЦ. Но она именно... как вам сказать... об этом говорить не очень удобно... она у нас борец против прогресса.

ТИХОВ. Против прогресса?..

ОТЕЦ. Да. Против всего нового. Она так и заявляет при знакомстве: "Рада Антонова, борец против нового".

ТИХОВ. Тут ты меня озадачил. Все борцы, каких мне доводилось встречать, боролись за новое. Против – это для меня первый случай. И против чего же она борется?

ОТЕЦ. Да против всего нового – против научных открытий, технической революции, урбанизации, роботизации... вообще, против прогресса.

ТИХОВ. Тотально?

ОТЕЦ. Тотально.

ТИХОВ. Молодчага бабка! А концепция у нее есть?

ОТЕЦ. Нету у нее концепции.

ТИХОВ. Как это?.. Никакой?

ОТЕЦ. Да какая может быть концепция, товарищ Тихов, она всю жизнь нанизывала табак.

ТИХОВ. Да такого быть не может, чтобы не было чего-нибудь такого... ну, скажем... лозунга ... вроде "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" А?..

ОТЕЦ. Она просто говорит, что теперь человеку плохо.

ТИХОВ. Какому это человеку?

ОТЕЦ. Всем людям.

ТИХОВ. Так, значит?

ОТЕЦ. И чем дальше вперед идет человек, тем он чувствует себя хуже. Более одиноким. Все больше удаляющимся.

ТИХОВ. От чего удаляющимся?

ОТЕЦ. Он от самого себя удаляется. И от других людей... И от природы. Вообще от всего... что имеет смысл.

ТИХОВ. Ишь ты!..

ОТЕЦ. Ни у кого ни на что нету времени, никто ничем не доволен и никого не любит. Так она говорит.

ТИХОВ. Смотри-ка ты!..

ОТЕЦ. Неграмотная женщина, товарищ Тихов, какой с нее спрос... Ну что тут поделаешь?..

ТИХОВ. Неграмотная, а удаляется.

МАТЬ. Чистой воды волонтеристка, товарищ Тихов. Стихия.

ТИХОВ. А еще что говорит?

ОТЕЦ. О, она говорит, много чего говорит...

ТИХОВ. Ну что, к примеру?

ОТЕЦ. Да... говорит, например, чего вы мне хвалите ваш прогресс – весной удобряете землю из самолетов, а осенью запахиваете то, что уродилось, тракторами. Потому как вам лень его убирать. Лучше бы вы, говорит, пахали волами, да собирали что уродилось. И грехов-то поменьше бы накапливалось.

ТИХОВ. Вот так бабуля!.. Значит, она борется против всего нового?

МАТЬ. Борется, товарищ Тихов. Ребенка в школе обучают осваивать компьютеры, а она дома учит его, как плести корзины. Там они проходят интегральные схемы, а она учит его, как готовить отвары из

трав. Для нас это была большая проблема. Пока его отучили от этих колдовских дел...

ТИХОВ (*заинтересованно*). Ну и как, отучили?

МАТЬ. С трудом, но отучили. Он по звездам мог ориентироваться, по травам предсказывал и по воде... Прямо восемнадцатый век!.. Но отучился!..

ОТЕЦ. Или делает вид, что отучился.

МАТЬ. Нет, он не притворяется. Отучился.

ТИХОВ. Жалко. Мог бы мне погадать.

МАТЬ. Да вы не беспокойтесь, товарищ Тихов, бабка его вам погадает, она в этом деле любого за пояс заткнет.

СЫН (*входя*). Ее нет.

ОТЕЦ. Как – нет?

СЫН. А вот так, нет – и все. На крыше никого нет.

МАТЬ. Если ты решил опять нас разыгрывать...

СЫН. Да никого я не разыгрываю – на крыше нет ни души.

ОТЕЦ. Ты уверен?

СЫН. Можешь проверить. Я расспрашивал ее приятельниц – она там вообще не появлялась.

ОТЕЦ. Я же сам проводил ее на крышу!..

МАТЬ. Эта женщина сведет нас с ума!..

ТИХОВ. Эй, а вы, случайно, не запрятали ее в панель?.. Сосед-то может оказаться прав... А сами мне тут морочите голову разными глупостями!..

ОТЕЦ. Товарищ Тихов!..

ТИХОВ. Потому как, если рассуждать по фактам, то что выходит? Во-первых, есть замурованный человек в панели. Во-вторых, бабка-то ваша пропала.

МАТЬ. Из этого следует одно: сосед наш абсолютный мерзавец!.. Если бы вы его знали, то не поверили бы ни одному его слову. Он может сказать, что в панельной плите замурована целая семья!.. Этот человек чуть не вогнал меня в гроб, а вы склонны ему верить!.. *(Плачет.)*

ОТЕЦ. Успокойся, не надо плакать, товарищ Тихов просто не знает...

МАТЬ. Как я могу успокоиться... Если нервы у меня вконец расстроены... По его милости... *(Продолжает плакать.)*

СЫН. Не расстраивайся... из-за этой истории... Еще заболеешь снова...

МАТЬ. Легко сказать "не надо"... Ты лучше меня спроси, каково... *(Плачет.)*

ОТЕЦ. Ведь товарищ Тихов только сказал, что нужно посмотреть на факты, ничего другого он не сказал!..

МАТЬ. Хорошо, давайте проанализируем факты!.. Каковы они – эти факты? *(Тихову.)* В начале декабря прошлого года мне вдруг стал чудиться крик петуха. Я слыхала это так ясно, как будто он кукарекает у меня в желудке. Здесь у нас в радиусе километров двадцати никаких петухов и в помине нет. Я открываю учебник по психиатрии и на седьмой странице обнаруживаю симптомы: крик петуха, в редких случаях голос кукушки – атипический синдром Брокхаузена. Все, конец, говорю я себе... я сошла с ума... Что ж, от такой жизни!..

Говорю Ивану, а он мне: да ты в своем уме, откуда у тебя взятся этому атипическому синдрому Брокхаузена, вчера с тобой все было в порядке. Вот в том-то и дело, говорю ему я, что я не в своем уме. Едем

мы в психдиспансер, я им: "Будьте добры, помогите, у меня атипический синдром Брокхаузена!" Врачи посмеиваются, но после обследования в конце концов оказалось – Брокхаузен. Началось лечение, жутко вспомнить: разные сеансы, виды терапии, лекарства... никаких результатов. Меня поместили в психлечебницу, я там лежу, чувствую, что умираю, и тогда приехал Иван, и говорит мне: "Все, поехали домой!" Не могу, говорю я ему, у меня Брокхаузен. "Никакого Брокхаузена у тебя нет, – говорит мне он, – этот мерзавец, наш сосед держал петуха! Я раз двадцать спрашивал, он не признавался! Но я его подловил!"..

ТИХОВ. Соседа?

МАТЬ. Да, соседа!.. И он не только петуха, но еще вдобавок и двух куриц держал в кладовке, которая находится по соседству с моей спальней. Он боялся, что их у него отберут, если узнают, поэтому скрывал. Мой муж был готов его убить, но он сбежал в провинцию и отсиживался там целых три месяца. Вот он какой – наш сосед, а вы ему верите.

ОТЕЦ. Тогда ему все сошло с рук, но на этот раз не сойдет.

ТИХОВ. А если бабка ваша не в панели, то где тогда?

МАТЬ. На этот вопрос и Господь Бог не может дать вам ответ. Может, у кого-нибудь в соседнем подъезде, а может, отправилась в другой конец города... у нее семь пятниц на неделе... Одно могу сказать с уверенностью: в панельной стене ее нет. По крайней мере мы ее туда не замуровывали.

ТИХОВ. Твою мать!.. Больше всего ненавижу, когда мне что-то не ясно!.. Кто же тогда в панели?

МАТЬ. Да почему обязательно кто-то должен находиться в панели?

ТИХОВ (*злится*). Ну ладно, а тогда – что это?.. (*Указывает на "мамонта"*.) Мамонт?.. Призрак?.. Крали Марко?.. А?..

МАТЬ (*молчит*).

ТИХОВ. Отвечайте же!.. Выходит, что здесь было совершено преступление?

ОТЕЦ. Ну что вы, кто бы мог здесь совершить такое преступление?

ТИХОВ. Я не знаю, кто бы мог совершить! Знаю только, что я ничего не знаю!.. Не знаю, что это такое!.. (*Указывает на "мамонта"*.) ... Не знаю, где ваша бабка!.. И не знаю, кто замурован в панели!.. Вот когда вы мне откроете глаза на все это, тогда и поговорим!.. (*Вне себя от злости Тихов выходит.*)

За празднично сервированным столом в холле остаются Мать, Отец и Сын. Все молчат. Пауза.

ОТЕЦ. Все пошло коту под хвост. Мы остаемся в нашем милом отечестве. Как последние патриоты.

МАТЬ. Я просто не могу поверить!..

ОТЕЦ. "Если спросят, где впервые засияла мне заря"... И так далее...

Вена, однако, нам не засияла!..

МАТЬ. А может, не все еще потеряно?..

ОТЕЦ. Да ты на что надеешься? Тихов думает, что мы замуровали ее в панельную плиту!.. Или что она слетела с крыши!.. Слетела!..

МАТЬ. Потому что Божидар вел себя как неменяемый!..

ОТЕЦ (*Сыну*). Была бы у тебя голова на плечах, ты бы сказал, что у соседа лопнула труба, все залило водой, они по комнатам как утки плавают... И все – мы бы поехали в Вену!..

СЫН молчит.

ОТЕЦ. Мы из кожи вон лезли, деля тебе намеки! Но ты – хоть бы хны!.. Как всегда!..

МАТЬ. Он это делает нарочно!..

ОТЕЦ. Да тебя убить мало!..

СЫН молчит.

МАТЬ (*Отцу*). Ты тоже хорош со своими разведывательными операциями!.. "Ему не нравятся старики!.. Напоминают ему о старости!"..

ОТЕЦ. Но насчет шитья оказалось верным, разве не так?! И насчет бортовки?! И насчет изюма оказалось бы правдой, но мы до этого не дошли!.. И насчет перепелов!..

МАТЬ. Насчет перепелов – нет! Перепела – слабость его шефа!..

ОТЕЦ. Знаешь, что? Я эту операцию восемь месяцев разрабатывал, а ты тут сейчас взялась меня поучать, что Тихов любит и чего не любит. Да, с мамашей моей мы опростоволосились, но кому могло прийти в голову задуматься над тем, что она не просто старый человек, а еще и мать!.. Об этой его мании я не знал!.. Мы ее отправили наверх, потому что она старый человек, а он потребовал вернуть ее сюда, потому что она мать!.. Полный идиотизм!.. Попробуй-ка это предвидеть!..

МАТЬ. И этот мамонт!.. Откуда он взялся именно сейчас!..

ОТЕЦ. Я же говорю – полный идиотизм!..

МАТЬ. И что это такое в конце концов?

ОТЕЦ. А я знаю?!

МАТЬ. Но должно же быть какое-то объяснение!..

ОТЕЦ. Уж не думаешь ли ты, что я зарезал свою мать и засунул труп в панель?

МАТЬ. Так что же тогда?

ОТЕЦ. Не знаю!.. И почему это я обязан все знать?!.. Ответь хоть раз и ты!..

Сын молча встает и хочет выйти.

ОТЕЦ. Ты куда?

СЫН. Пойду поищу бабушку.

МАТЬ. Перестань носиться со своей бабушкой как курица с яйцом!

Ничего с ней не случится!.. Она бессмертна!..

Сын идет к выходу.

МАТЬ (*кричит вдогонку*). Может, уже хватит думать о бабушке, подумай лучше о нас!.. (*Сын выходит.*) Нет, пожалуй, стоит упорхнуть!.. Больше не выдерживаю!.. (*Бессильно опускается на стул и закрывает глаза. Пауза.*)

ОТЕЦ (*в отчаянии от случившегося*). Круглый год то и дело лопаются трубы, а тут – все до одной – в полном порядке!!

В эту минуту в холл входит Косишкий – сосед, проживающий двумя этажами выше, постоянный партнер Отца по игре в шахматы.

ОТЕЦ. О, нет!.. Никаких шахмат!.. Мне сейчас не до шахмат! Будь добр!..

КОСИШКИЙ. Мне тоже не до них!..

ОТЕЦ. Нет, нет! Я твои номера знаю. Тебе всегда не до игры, а потом мы сидим до четырех утра. Прошу тебя!.. Мне сейчас абсолютно не до защиты Грюнфельда!..

КОСИШКИЙ. Я тебе верю!

ОТЕЦ. Послушай, у нас ведь общий счет 1245 на 678 в твою пользу. Оставь меня в покое, будь добр.

КОСИШКИЙ. Я-то тебя оставлю, но вот прокурор вряд ли оставит.

ОТЕЦ. Какой еще прокурор? Ты что, пригласил прокурора, чтобы организовать турнир?.. Сегодня вечером я не могу!..

КОСИШКИЙ (*тихо*). Иван, я вам советую сдаться добровольно, вы же люди интеллигентные!..

ОТЕЦ. Ладно, ладно, я сдаюсь, только оставь меня в покое!.. Запиши еще один – ноль в свою пользу!..

КОСИШКИЙ. Не мне сдайся – прокурору!..

ОТЕЦ (*смотрит на него удивленно*). Да ты что... ты это о чем?

КОСИШКИЙ. Камеры в тюрьмах нынче солнечные, вечером дают смотреть последние новости, есть даже самодеятельный театр. Не так страшно.

ОТЕЦ. О каких тюрьмах ты мне говоришь?!

КОСИШКИЙ. О наших. Правосудие у нас справедливое, применяются и амнистии, может, и удастся избавиться от петли. Особенно, если явитесь с повинной сами.

ОТЕЦ. Почему мы должны являться с повинной?

КОСИШКИЙ. Перестань, Иван, ну вы же интеллигентные люди...

ОТЕЦ. И за это нас могут повесить?.. Что – опять?..

КОСИШКИЙ. Ты прекрасно знаешь, за что!.. И пора наконец тебе узнать и то, что я играл с тобой в шахматы, чтобы за тобой следить.

Потому что ты с самого начала казался мне подозрительным.

ОТЕЦ. Ты за мной следил?!

КОСИШКИЙ. И теперь я могу сказать: то, что ты кончишь именно так, вовсе не случайность.

ОТЕЦ. Как?

КОСИШКИЙ. Как убийца. Причем собственной матери. Причем вы замуровали ее в панель. А еще доцент!..

ОТЕЦ. Косишкий, да ты соображаешь, что говоришь?

КОСИШКИЙ. Не упирайся, Антонов. Облегчи свою совесть и явись с повинной. Чтоб не доводить до эксцессий.

МАТЬ. Нет, я сойду с ума!.. Если мне еще и это преподнесут!..

ОТЕЦ. Кто тебе наплел такое идиотство?

КОСИШКИЙ. От общественности не скроешь.

ОТЕЦ. От какой общественности?

КОСИШКИЙ. От нашей.

ОТЕЦ. От прогрессивной общественности?

КОСИШКИЙ. Ирония тут неуместна. Единственное, что уместно, – это покаяние.

МАТЬ. Он свихнулся. Не зря я советовала вам поменьше играть в шахматы.

КОСИШКИЙ. Адская выдержка во всяком случае. Я вами восхищаюсь!.. К тому же перед останками!..

ОТЕЦ. Какими-такими останками?

КОСИШКИЙ (*кивает на "мамонта"*). Останками бабы Рады. (*Молча отвечает поклон перед "мамонтом"*.)

ОТЕЦ. Косишкий, да ты и впрямь спятил!.. Как ты можешь допустить, что мы на такое способны?! К тому же ты хорошо знаешь нашего соседа, знаешь, какие несуразности он болтает!.. И меня знаешь!..

КОСИШКИЙ. Нет, я тебя не знаю. Думал, что знаю. В самом начале. Но мало-помалу тебя раскусил.

МАТЬ. Прогони его немедленно!..

ОТЕЦ. Косишкий, всего несколько часов тому ты был нормальным человеком.

КОСИШКИЙ. Отрицанием вины ничего не добьешься. Только продлишь агонию.

ОТЕЦ. Ну как ты не можешь понять, что мне не в чем признаться?!

КОСИШКИЙ (*укоризненно качает головой*). Они ведь располагают компьютерами.

ОТЕЦ. Кто это – они?

КОСИШКИЙ. Органы.

ОТЕЦ. При чем здесь органы?.. Я тебя спрашиваю: как тебе могло прийти в голову, что я способен убить собственную мать?!

КОСИШКИЙ. Всего по одной нитке за три часа находят убийцу. И он ничего не может сделать. Спектральный анализ.

МАТЬ. Если через секунду ты его не вышвырнешь...

ОТЕЦ. Косишкий!..

КОСИШКИЙ. Лучше сдайтесь добровольно, чтоб не позорить наш дом. Потому что общественность готова сигнализировать. А может, уже сигнализировала. Времени у вас в обрез.

ОТЕЦ. Значит, так, Косишкий...

КОСИШКИЙ. Я человек честный и не желаю запятнать себя тем, что играл с тобой в шахматы...

МАТЬ (*бросает в него бронзовым бюстом.*) А может, желаешь, чтоб тебя этим запятнали?!.. (*Ищет, что бы еще бросить.*) Или... вот этой вазой?!.. (*Бросает одну из ваз.*) ... А то... бутылкой... (*Швыряет бутылку с вином.*) ...не желаешь?!.. (*Косишкий с трудом увертывается от летящих предметов и убегает.*)

ОТЕЦ. Марта!..

КОСИШКИЙ (*уже в дверях*). Значит, вы решили убивать всех подряд?.. Кто попадется под руку... Прекрасно!..

ОТЕЦ (*кричит ему вслед*). Вон!.. Пошел вон!.. Убирайся!..

Косишкий выбегает. Мать нервно ходит по комнате. Отец молчит. Мать, не говоря ни слова, в ярости швыряет на пол еще одну вазу. И продолжает ходить взад-вперед.

МАТЬ. Сколько раз я тебе советовала: держи ухо востро со своей матерью, она нас когда-нибудь так подведет, что мало не покажется. И подвела-таки!..

ОТЕЦ. И как я должен был поступать?..

МАТЬ. Была бы она как другие бабки: связала бы что-нибудь полезное или пирог испекла, так нет – знай сидит и разглагольствует, что такое социализм и есть ли для него почва у нас!..

ОТЕЦ. Пирог она пекла.

МАТЬ. Маргарет Тэтчер меньше занимается политикой!..

ОТЕЦ. Да какая там политика – деревенские глупости это...

МАТЬ. Деревенские, городские ли – Вены нам теперь не видать!..

ОТЕЦ. Не напоминай, а то... (*Встает и тоже начинает ходить взад-вперед.*) А ведь все было готово... было готово...

МАТЬ. Я не стану напоминать, жизнь сама тебе будет напоминать. Каждый день.

ОТЕЦ (*останавливается*). Думаешь, уже нет никакой надежды?

МАТЬ. А ты еще питаешь надежду?.. (*Нервно смеется.*) Ха-ха-ха!..

ОТЕЦ. А что? Вот вернется мама, я позвоню Тихову...

МАТЬ. А если не вернется?

ОТЕЦ. Что ты хочешь сказать?

МАТЬ. Она обычно перед тем как уйти ругалась с нами.

ОТЕЦ. Просто на этот раз упустила.

МАТЬ. Впервые за десять лет.

ОТЕЦ. Что ж, она тоже человек.

МАТЬ. Не знаю. Но мне это не нравится. Напоследок вообще все не нравится. Божидар вот уже целый месяц ходит какой-то нервный, впадает в истерику, кричит, что мы по ночам ведем себя как заговорщики, словно какая-нибудь семейка Макбет, что по всему дому разбросаны формуляры о приеме в дом престарелых... Может быть, надо было сказать ей о Вене. Чтобы она узнала об этом не от соседей.

ОТЕЦ. А что бы мы ей сказали?! Дорогая мама, мы оставляем тебя здесь одинешеньку, хочешь – помирай, хочешь – живи!! Это надо было ей сказать?! Но никаких проблем, мы устроили тебя в дом престарелых, а если тебе это не подходит, то поезжай в родную деревню, где живут одни одичавшие кошки, там не все дома полностью обрушились, наверно, найдется место, где ты сможешь голову преклонить. Это мы должны были сказать?! Я не могу!! Скажи ей ты!!.. (*Пауза. Отец молчит повесив голову.*)

МАТЬ. Ну ладно, не будем нервничать. Мамонт этот должен любой ценой исчезнуть. Помнишь, что сказал Тихов. Это его условие.

ОТЕЦ. Но как это сделать? *(Пауза.)*

МАТЬ. Мы не знаем природы этого пятна. *(Пауза.)*

ОТЕЦ. Да чем дольше я думаю, тем больше убеждаюсь, что это влага. Другого быть не может. Где-то есть лопнувшая труба, не может не быть. У нас здесь не Швейцария!.. Сосед, по-моему, надул нашего Божидара.

МАТЬ. Я в этом уверена.

ОТЕЦ. А наш простофиля и уши развесил. Растяпа!..

МАТЬ. Он утаил, что есть повреждение!.. Так было и с петухом!.. Чтобы не платить за ремонт!.. И кто знает, какие реки текут сейчас у него по квартире!..

ОТЕЦ *(задумчиво)*. Не думаю, что вода продолжает течь.

МАТЬ. Почему?

ОТЕЦ. Так ведь пятно-то не увеличивается. Наш мамонт все такой же. Не стал больше.

МАТЬ. Тогда что?

ОТЕЦ. Вероятно, он перекрыл у себя воду, а может, устранил аварию, но влага уже просочилась в стену нашей квартиры.

МАТЬ. И теперь он сваливает вину на нас!.. Замурованные трупы и Бог знает что!.. Да, ты прав – узнаю его почерк!..

ОТЕЦ. При сложившейся ситуации мы должны избавиться от этой влаги.

МАТЬ. Но как?

ОТЕЦ. Мы ее высушим. Как болото. Осушим. Я буду действовать феном, а ты – утюгом. Прижмем ее в две руки, раз-два и готово.

МАТЬ. Иван, ты гений!..

Мать выходит и возвращается с утюгом и феном. Во время ее отсутствия Отец подходит к стене и принимается ощупывать пятно рукой. Как опытный врач, он выстукивает его... нажимает пальцами. Когда возвращается Мать, они включают оба прибора и принимаются за дело.

МАТЬ. А когда он исчезнет, мы позвоним Тихову и скажем ему, что все это получилось из-за свечей. Фитили были смазаны. Божидар фактически сознался в этом.

ОТЕЦ. А где он взял дракона?

МАТЬ. Купил на барахолке. Там есть все. Наверно, продают и драконов.

ОТЕЦ. Но так как в наших условиях галлюцинации рассеиваются очень медленно, то мамонт исчез через несколько минут после его ухода.

МАТЬ. Испарился.

ОТЕЦ. Что будет соответствовать истине, потому что спустя некоторое время он в самом деле испарится.

МАТЬ. Но надо подготовить Божидара. Чтобы он опять не провалил всего дела.

ОТЕЦ. Ты это предоставь мне. На этот раз... *(Оба энергично просушивают пятно.)* ...Слушай, а когда мамонт исчезнет, почему бы нам не сказать ему правду, что это мы его высушили?..

МАТЬ. Правда эта выглядит как-то сомнительно: трубы в порядке, но есть влага, а сосед соврал... Слишком сложно. Надежнее всего – галлюцинации. Свечи, сердце дракона, желчь змеи – все просто и ясно.
(Продолжают энергично работать. Пауза.)

МАТЬ. По-моему, уже вот-вот должен исчезнуть... (*Ожесточенно водит утюгом по стене.*)

ОТЕЦ. По крайней мере одна нога... (*Сушит феном ноги "мамонта".*)

МАТЬ. Будь он живой, мы бы его уже зажарили!... (*Продолжает гладить.*)

ОТЕЦ. Хотя бы цвет поменял... (*Некоторое время оба трудятся молча.*)

МАТЬ (*ставит утюг в сторонку*). Это вовсе не влага!..

ОТЕЦ. А что же это по-твоему?

МАТЬ. Еще немного, и мы с тобой подожжем дом, а этому хоть бы хны. Разве что где-то там забил источник.

ОТЕЦ. Это невозможно.

МАТЬ. Знаю, что невозможно! Не строй из себя идиота!..

ОТЕЦ. Потерпи еще немного.

МАТЬ (*вспылив*). Сколько – немного?.. Лет пять?.. Десять?.. Сколько?..

Я что – черепаха?! Чтобы первые сто пятьдесят лет терпеть, а следующие сто пятьдесят жить по-человечески!.. Ты только глянь, во что мы с тобой превратились!.. Интеллигентные люди, у каждого – два высших образования, а в конце двадцатого столетия копошимся возле панели и сушим – сами не знаем что!.. Какое-то грязное пятно!..

ОТЕЦ. Марта!..

МАТЬ. Мне это осточертело!.. До каких пор это терпеть?.. И ради чего?.. Чтобы угодить какому-то неграмотному повару!.. От него, видите ли, зависит наше благополучие!.. Для чего мы покупали весь этот хлам – нитки, бортовку?.. Ради чего ползаем на коленях с этими чертовыми приспособлениями?.. Большое дело – пятно, большое дело – мамонт, ну и черт с ним, пропади он пропадом!.. Что бы там ни

болтали соседи, что бы ни взбрело в голову Тихову и вообще – что бы ни случилось, мне наплевать!.. Я тоже человек!.. И мне надоело!..

ОТЕЦ. Марта...

МАТЬ. Мне надоело притворяться, что я тупоумнее этих неучей, понимаешь?.. Тупоумнее какого-нибудь портного и какого-нибудь кашевара, который двух слов не способен правильно связать!.. Разве я виновата, что умею грамотно писать?.. Пытаюсь, но не могу разучиться!..

ОТЕЦ. Марта...

МАТЬ. Осточертели мне все эти петухи в кладовках, курицы на балконах, перепела, что умирают гордые тем, что их будет есть товарищ Тихов!..

ОТЕЦ. Да ты прекратишь в конце концов?.. (*Осматривается.*)

МАТЬ. И ты мне надоел со своим "неопределенным прошедшим временем, которое в определенных случаях выполняет функцию будущего времени"!

ОТЕЦ. Что ты хочешь этим сказать?

МАТЬ. Ты такой же, как твои дефиниции – неопределенный, который в определенных случаях выполняет функции... Отца, мужа, будущего времени... И всевозможные другие функции!..

ОТЕЦ. Послушай, да ведь не я же его выдумал – этого проклятого...

(*Неожиданно умолкает посреди фразы.*) ...Марта!..

МАТЬ. Надоело!..

ОТЕЦ. Марта!.. Смотри!..

МАТЬ. На что смотреть-то? Не хочу ничего видеть!..

ОТЕЦ. Нет, ты посмотри!.. Его нет!.. Он исчез!..

Оба изумленно уставляются на место, где раньше на стене находился злополучный "мамонт". Там чисто, пятно в самом деле исчезло. Они подходят ближе, ощупывают то место, смотрят и не верят своим глазам...

ОТЕЦ. Мы победили!

МАТЬ. Как сквозь землю провалился. Будто его там и не было никогда.

ОТЕЦ (*опускается в кресло*). Кончено!.. Испарился!..

МАТЬ (*садится на стул*). Господи!.. Все кончено!..

ОТЕЦ. Давай позвоним Тихову!..

МАТЬ. Подождем, пока вернется Божидар. Как бы чего не перепутать... Время у нас теперь есть... Ох, я вся обливаюсь потом, словно впитала всю воду нашего озера... Пойду, приму душ...

ОТЕЦ. О`кей. А я в это время немного приберу... (*Мать уходит.*)

Отец удобно устраивается в кресле, медленно закуривает, с наслаждением затягиваясь и выпуская кольца дыма... Пауза. Спустя несколько секунд раздается душераздирающий крик и в холл вбегает Мать в купальном махровом халате.

ОТЕЦ (*вскакивает*). Что случилось?

МАТЬ. Он там, в ванной!..

ОТЕЦ. Кто – он?

МАТЬ. Он. Мамонт.

ОТЕЦ. Не может быть. Он же испарился? Как он мог оказаться в ванной?

МАТЬ. Он там. Я раздевалась и вдруг увидела его. Он на меня смотрел.

ОТЕЦ. Тебе показалось.

МАТЬ. Говорю тебе – он на меня смотрел.

ОТЕЦ. Как?

МАТЬ. С вожделением. Похотливо.

ОТЕЦ. Я спрашиваю тебя, как он может смотреть, у него же нет глаз!..

МАТЬ. А я тебе говорю, что смотрел. Причем с вожделением.

ОТЕЦ (*с досадой*). Ну ты даешь!.. С какой стати он будет смотреть на тебя с вожделением!.. Во-первых, чем бы он мог на тебя смотреть?.. А во-вторых, откуда ты знаешь, что это самец?.. Бывают ведь мамонты – самки.

МАТЬ (*обиженно*). Не говори ерунды.

ОТЕЦ. Это ты говоришь ерунду. Прежде всего, он никак не мог очутиться в ванной. И у него нет глаз, чтобы смотреть на тебя похотливо. И вообще, это всего лишь пятно. Пятно. Оно не одушевленное. Так что ни смотреть сексуально, ни даже находиться в ванной оно не может. Ну что ему там делать?.. Купаться?.. Просто у тебя слишком развинченная фантазия. И нервы натянуты.

МАТЬ. Я больше туда ни ногой, говори, что хочешь

ОТЕЦ. Да ты соображаешь, что мелешь?! Ну, сама подумай! По-твоему, получается, что у нас любовный треугольник?! Я, ты и мамонт?..

МАТЬ. Мне с тобой больше не о чем говорить! (*Садится в кресло.*)

ОТЕЦ. Нет, это фантастика!.. Чтобы преподаватель консерватории! По классу композиции!.. (*Вдруг что-то сообразив, он резко меняет тон и манеру поведения.*) ...Марта!.. С тобой все в порядке?.. Как ты себя чувствуешь?

МАТЬ. Плохо. Я не могу выкупаться.

ОТЕЦ. О`кей, о`кей. Я сейчас пойду в ванную и его выдворю. Ты только не волнуйся. Я живо его выдворю, этого сексуального

маньяка!.. Я мигом!.. Сброшу его с балкона!.. *(Он разговаривает с женой как с больным ребенком. Выходит.)*

Мать остается в одиночестве, закрывает глаза и пытается успокоиться. Спустя некоторое время в холл возвращается Отец с потерянным видом.

ОТЕЦ. Нет, этого не может быть!.. *(Мать продолжает сидеть молча, с закрытыми глазами.)* Это невозможно!.. *(Бессильно опускается в соседнее кресло.)*

Пауза. Тишина. Мать и Отец сидят растерянные, обессиленные. И тут в холл, громко хлопнув дверью, врывается Косишкий. Отец нервно вздрагивает. Мать продолжает сидеть неподвижно.

КОСИШКИЙ. Идите скорее, заберите своего зверя!.. Живо!.. Это ни на что не похоже!..

ОТЕЦ. Какого еще зверя?!

КОСИШКИЙ. Мамонта! Я человек порядочный и не потерплю в своем доме никаких животных!.. Вы распространители этой заразы! Так идите же и уберите его, пока я не подал на вас жалобу прокурору! Мы с тобой столько времени играли вдвоем в шахматы, мы просто стали братьями, а теперь вы мне подпускаете в дом разное зверье!.. Разве ж это по-соседски?.. А еще интеллигентные люди! Сосед ваш держал у себя какого-то несчастного петуха, так вы подняли шум до небес, ты был готов его убить, искал его по всей Болгарии, а сами вот навязали на мою голову целого мамонта и думаете, что я это так оставлю!.. Да я уложу тебя на месте, а потом отсижу, сколько положено, потому как я

человек честный!.. Если вы развели у себя зверей, так следите за ними, не выпускайте из дому, почему я должен терпеть в своем доме такой позор!.. Я требую, чтобы через секунду вы меня избавили от него!..

ОТЕЦ. Постой, минуточку!.. *(Выходит.)*

КОСИШКИЙ. Эта зараза, которую сеете вы, интеллигенты, вам дорого обойдется!.. Народ все видит!.. Вас призовут к ответу!.. *(Мать по-прежнему сидит молча с отсутствующим видом.)*

ОТЕЦ *(входит, улыбаясь до ушей)*. Так что ты сказал?..

КОСИШКИЙ. Немедленно, даю вам секунду, заберите своего зверя!

ОТЕЦ. А наш зверь никуда не делся. Он здесь.

КОСИШКИЙ. Не может быть! Как это – здесь... Ты это брось!..

(Осматривается.) Не пытайся меня дурачить!.. Вот, он был здесь!.. А теперь – у меня!..

ОТЕЦ. Это какой-то другой зверь.

КОСИШКИЙ. Какой еще другой?!

ОТЕЦ. Наш – в ванной.

КОСИШКИЙ. Чего?!

ОТЕЦ. Да, в ванной.

КОСИШКИЙ. Что ему там делать – в ванной?

ОТЕЦ. Если я тебе скажу, что он купается, ты мне поверишь?

КОСИШКИЙ. Да брось ты, меня не проведешь.

ОТЕЦ. А если скажу, что он пошел на водопой?

КОСИШКИЙ. Послушай... брось шутки шутить... Нечего устраивать эксперименты!

ОТЕЦ. А ты пойдешь проверить!.. *(Опускается в кресло рядом с Матерью.)*

Косишкий пристально смотрит на него, чтобы убедиться, что он не шутит, потом решительно направляется в коридор с видом человека, который не допустит, чтобы его поднимали насмех и дурачили. Вскоре он возвращается – и это уже совсем другой человек. Он идет медленно, подавленный, задумавшийся.

КОСИШКИЙ. Что же нам теперь делать?.. С этими мамонтами?..

ОТЕЦ. Я тебе советую явиться с повинной.

КОСИШКИЙ. Да ты брось, Иван!

ОТЕЦ. А что? Тюрьмы у нас теперь солнечные. А может, попадешь под амнистию, может удастся избежать вышки.

КОСИШКИЙ. Я относился к тебе, как к брату, а ты...

ОТЕЦ. Не стоит доводить дело до крайности. Общественности известно.

КОСИШКИЙ. Что известно?

ОТЕЦ. Все. Попытки все отрицать только продлевает агонию.

КОСИШКИЙ. Но я ничего не сделал. Все перешло от вас.

ОТЕЦ. Как грипп, да?..

КОСИШКИЙ. Моя совесть чиста.

ОТЕЦ. Все-таки лучше явиться с повинной, не навлекать позор на весь наш дом.

КОСИШКИЙ. Так вот она – твоя человечность?

ОТЕЦ. Времени у тебя в обрез. Потому что общественность (*указывает на себя и на Мать*) готова сигнализировать!

КОСИШКИЙ. Ну что вы за люди!.. Вместо того чтобы помочь, посоветовать, что мне делать с этим мамонтом, ты измываешься надо мной! Верно, я говорил тебе такие слова, это было глупо, да, говорил,

так неужели ты их будешь помнить до самой смерти? Такая, значит, она – твоя пресловутая человеческая сопричастность?!

ОТЕЦ. Извини, Косишкий, но нам обоим ясно, в каких случаях появляется этот мамонт. Там, где было совершено преступление, которое не раскрыто. Да, мы вот убили бабу Радугу. А ты что сделал?

КОСИШКИЙ. Ничего не сделал. Я чист как стеклышко.

ОТЕЦ. А ведь ты сам мне говорил, что достаточно одной нитки, чтобы преступник был найден всего за три часа. Чего же теперь корчишь из себя несмышленишка малолетка?

КОСИШКИЙ. Я чист, Иван, пойми.

ОТЕЦ. Какое преступление, говори!..

КОСИШКИЙ. Да какое там преступление, ничего такого не было... я просто поливал цветы.

ОТЕЦ. Вот как! Ладно, ты поливал цветы. А после?

КОСИШКИЙ. Никакого после. Просто поливал. Два года с лишним.

ОТЕЦ. А говоришь: ничего не было!..

КОСИШКИЙ. Я не виноват, что цветы росли у самой стены дома!..

ОТЕЦ. Конечно же, виноват!.. Зачем ты их поливал?!

КОСИШКИЙ. А что?.. Оставить, чтоб засохли?

ОТЕЦ. Послушай, Косишкий, так не пойдет. Давай все по порядку. С самого начала. Начистоту.

КОСИШКИЙ. Так, говоришь, – начистоту... Да все это абсолютные наговоры. И вообще ничего не доказано.

ОТЕЦ. Не притворяйся дурачком, Косишкий. Так как все было?

КОСИШКИЙ. Да как... Поселился я шесть лет тому назад в одном доме...

ОТЕЦ. Что это был за дом?

КОСИШКИЙ. В том-то и дело... В доме с плитами на нем, мраморными... Там была подпольная типография и убит в двадцать не помню каком году – и какой-то поэт...

ОТЕЦ. И ты поселился?

КОСИШКИЙ. Это была моя ошибка. Дом-то был старый, обветшалый, из необожженного кирпича, вода и отхожее место во дворе, вот-вот развалится...

ОТЕЦ. Дом, значит, старый. Так. Ну и?..

КОСИШКИЙ. Музей из него хотели делать, но не сделали. Все откладывали.

ОТЕЦ. Понятно. И что?..

КОСИШКИЙ. И тогда я им сказал, чтоб дали мне квартиру.

ОТЕЦ. Кому сказал?

КОСИШКИЙ. Властям. А они: какую еще квартиру, у тебя есть дом, у многих вообще нет крыши над головой... О, говорю, я готов подарить им этот дом с колонкой во дворе впридачу...

ОТЕЦ. А они что?

КОСИШКИЙ. А они говорят: абсурд.

ОТЕЦ. Значит, сказали: абсурд. И ты тогда?..

КОСИШКИЙ. И тогда я начал поливать цветы.

ОТЕЦ. Как ты их поливал?

КОСИШКИЙ. Из шланга.

ОТЕЦ. И так – два года с лишним?

КОСИШКИЙ. Два года и четыре месяца.

ОТЕЦ. Поливал?

КОСИШКИЙ. Поливал.

ОТЕЦ. А что было потом?

КОСИШКИЙ. Потом дом рухнул.

ОТЕЦ. Как так – рухнул?

КОСИШКИЙ. Очень просто. Развалился. Ведь он был из сырца. И без фундамента. Я же говорил – развалюха.

ОТЕЦ. Так. Значит, дом обрушился. И что потом?

КОСИШКИЙ. Потом ничего. Мне дали квартиру.

ОТЕЦ. Эту? *(Показывает вверх.)*

КОСИШКИЙ. Эту.

Пауза. Отец мочит. Мать в продолжение всего разговора сидела в кресле, откинувшись назад, не открывая глаз.

ОТЕЦ. Цветы-то хотя бы были красивые?

КОСИШКИЙ. Настурции.

ОТЕЦ. Да, красивые цветы.

КОСИШКИЙ. Цветы – как цветы.

ОТЕЦ. Короче говоря, ты его убил!

КОСИШКИЙ. Кого убил? Я никого не убивал!..

ОТЕЦ. Дом. Это тоже убийство.

КОСИШКИЙ. Да какое, к черту, убийство? Кирпич разве убивают?..

Он же не человек!..

ОТЕЦ. Чистой воды преднамеренное убийство. Ты поселился там, поскольку узнал, что в доме будут создавать музей. И что ты не сегодня-завтра получишь квартиру. А когда дело с музеем затянулось, ты начал поливать основы стен.

КОСИШКИЙ. Я поливал цветы.

ОТЕЦ. И доконал дом за два года четыре месяца. Но, как тебе известно, ни одно преступление не остается нераскрытым, и вот мамонт появился и у вас. Ты потому так настаиваал, чтобы я явился с повинной?.. Чтобы случайно не докопались и до тебя?.. Наряду со мной... Ты оттого так волновался?

КОСИШКИЙ. Мы с тобой оба здорово вляпались, давай подумаем, как нам быть теперь.

ОТЕЦ. Я говорю: надо идти с повинной.

КОСИШКИЙ. Да ты в своем уме? Ладно, у меня отберут квартиру, а ты можешь и вышку заработать!..

ОТЕЦ. Мне больше жить не хочется!..

КОСИШКИЙ. Нет, надо вычистить каким-то образом эти пятна. А остальное – это все глупости!..

ОТЕЦ. Нет, я пойду – сознаюсь.

КОСИШКИЙ. Подумай хотя бы о ребенке – каково ему будет без отца!.. Ну зачем же так, не надо сдаваться!..

ОТЕЦ. И тебе советую сделать то же самое. Полегчает.

КОСИШКИЙ. Послушай, еще не все потеряно. Твой вот уже стронулся, того гляди уйдет из квартиры.

ОТЕЦ. Ты это о ком?

КОСИШКИЙ. О мамонте. Он же был в холле?.. А теперь в ванной. Значит, может статься, спокойно продолжит двигаться дальше по коридору и выйдет.

ОТЕЦ. Ты так думаешь?

КОСИШКИЙ. От него логики не дождешься, однако смотри: взятое твоим направление ведет к выходу. Возможно, и мой куда-нибудь двинется, кто знает?.. Ты не спеши, подожди!..

ОТЕЦ. Ждать?!

КОСИШКИЙ. Именно. Явиться с повинной всегда успеешь. Главное – не пускать в квартиру чужих людей. Ведь если докопаются...

ОТЕЦ. Про меня уже докопались.

КОСИШКИЙ. Да это все ваш сосед – тот, с петухом. Он распускает...

Но теперь, когда пятно уже в ванной, ты спокойно можешь сказать, что он врет. В ванной никто проверять не станет... Да ты туда никого и непустишь.

ОТЕЦ. Но ты-то знаешь.

КОСИШКИЙ. Так ведь и ты знаешь. Про меня. Я проболтался, сгоряча, был абсолютно уверен, что он ваш. Скажи я кому-нибудь о твоём, ты скажешь о моём. Как говорится, мы с тобой теперь в одной упряжке.

ОТЕЦ. Да, ты прав.

КОСИШКИЙ. Значит, молчок. Никому ни слова. Словно ничего не случилось. Информацией будем обмениваться по телефону. И никаких имен. Только условно: еще здесь, или – уже в коридоре. Договорились?

ОТЕЦ. Само собой.

КОСИШКИЙ. Ну, я побежал, посмотрю, что там творится с этим чертовым мамонтом. *(Уходит.)*

ОТЕЦ. Значит, появился и у Косишких!.. Да, дело пахнет... Значит, влага тут ни при чем... *(Задумывается.)*

МАТЬ *(отзывается с кресла)*. Возможно, ты что-нибудь натворил.

ОТЕЦ. Ну что бы я мог натворить?

МАТЬ. Не знаю. В то, что ты убил свою мать, я не верю, но, повидимому, что-то все-таки есть. Косишкий вот разрушил дом.

ОТЕЦ. Ты хочешь сказать, что я тоже совершил какое-нибудь преступление?

МАТЬ. Я просто сопоставляю факты.

ОТЕЦ. О-о-о! Нет... Мне все это тоже надоело!.. Что, в этом доме один только я могу совершить преступление?! А ты не можешь?

МАТЬ. Я ничего не сделала.

ОТЕЦ. Это говоришь ты.

МАТЬ. Не говори ерунды.

ОТЕЦ. Ну да! Естественно... В этом семействе все делаю я!.. Я пресмыкаюсь, чуть не на брюхе ползаю перед этим Тиховым, если надо – становлюсь предметом насмешек, чего я только не делаю в этой жизни!.. А вы сидите – чистенькие, беленькие и без конца обнаруживаете у меня недостатки!.. И поскольку все здесь лежит на мне, то и преступление, само собой разумеется, совершил я!.. Но довольно!.. Пошло все к черту!.. И Вена, и Тихов, и эта собачья жизнь!.. У меня скулы искривились каждому улыбаться!.. Я пока еще смогу зарабатывать на жизнь!.. Пойду разгружать цемент на станцию!.. Водителем стану, таксистом!.. Но больше никогда ни за что не улыбнусь!.. Никому!..

В эту минуту в холл входит Мясник.

МЯСНИК. Добрый вечер!

ОТЕЦ (*растерянно*). Что?..

МЯСНИК. Добрый вечер.

ОТЕЦ. Какой еще "добрый вечер"?! Вы кто?! Как сюда попали?!

МЯСНИК. Дверь была не заперта.

ОТЕЦ. Ну и что, если не заперта?.. Значит, где не заперто, туда можно вваливаться?!

МЯСНИК. Нет, я шел к вам.

ОТЕЦ. Так приходите по-людски, чего возникает вдруг как галлюцинация!..

МЯСНИК. Я позвонил, но никто не вышел.

МАТЬ (*подает голос из кресла*). Твой друг забыл закрыть дверь.

ОТЕЦ. Я понял.

МЯСНИК. У меня неотложное дело.

ОТЕЦ. Какое дело?

МЯСНИК. Чтобы вы мне продали мясо, если сторгуемся.

ОТЕЦ. Чтобы я продал что?!

МЯСНИК. Я дам хорошую цену.

ОТЕЦ. Простите, а вы кто?

МЯСНИК. Мясник.

ОТЕЦ. Мясник?!

МЯСНИК. По-простому – живодер.

ОТЕЦ. Ага, живодер, значит. И надеетесь получить у меня мясо?..

МЯСНИК. Чтоб вы мне продали.

МАТЬ (*с кресла*). Господи!.. (*Хватается за голову.*)

МЯСНИК. Может, вашей хозяйке плохо?

ОТЕЦ. Оставь в покое хозяйку, давай покончим с мясом.

МЯСНИК. По десять левов кило. И транспорт.

ОТЕЦ. По десять левов?

МЯСНИК. Оптовая цена.

ОТЕЦ. Послушай, а ты случайно не ошибся этажом? Здесь седьмой.

МЯСНИК (*достаёт лист бумаги, смотрит*). Вы доцент Антонов, так ведь?... Языковед?

ОТЕЦ. Да. И ты мне мне готов платить по десятке за кило?.. За мясо?

МЯСНИК. Могу повесить, но всего на полтинник.

ОТЕЦ. Значит, по десять пятьдесят? За кило?

МЯСНИК. И транспорт.

ОТЕЦ. Ага. Понятно.

МЯСНИК. Такую цену вам никто не даст. К тому же, поскольку ты доцент, то вряд ли сможешь торговать рознично, ты сможешь продать его только оптом. Оптом, однако, у тебя возможностей – раз-два и обчелся... Потому как ты не в мафии.

ОТЕЦ. Да, тут ты прав. Я не в мафии.

МЯСНИК. Они будут поджидать тебя на выходе. С топором!..

ОТЕЦ. Ты думаешь?

МЯСНИК. Они у матерей детей воруют! Страшные акулы... Обчистят тебя шутя за милую душу.

ОТЕЦ. Значит, у меня нет выхода?

МЯСНИК. Нету. Ну так что, доставать бумажник? *(Протягивает руку к заднему карману.)*

ОТЕЦ. Видишь ли... Кстати, как тебя зовут-то?

МЯСНИК. Денчо.

ОТЕЦ. Видишь ли, Денчо. Да, я доцент, это верно, но у меня нет никакого мяса. Каким бы странным это тебе ни показалось.

МЯСНИК. Что ж, коли ты обещал другому...

ОТЕЦ. Да ты понимаешь, о чем я тебе толкую?

МЯСНИК. Понимаю.

ОТЕЦ. Так вот я тебе еще раз говорю внятно: никакого мяса у меня нет!.. Вышла оплошка!..

МЯСНИК *(пристально смотрит на него)*. Ладно, накину еще полтинник.

ОТЕЦ. Марта, у меня больше нет сил, будь добра, объясни ему.

МАТЬ (*не вставая с кресла*). У меня тоже нет.

ОТЕЦ. Денчо, будь человеком, пойми: нет у меня никакого мяса. Было бы – я бы тебе его подарил. С доставкой.

МЯСНИК. Ладно уж!.. Полтора лева – и больше ни-ни. В убыток.

ОТЕЦ. Нет, так дело не пойдет. Надо как-то по другому. Этот готов вздуть до сотни!..

МЯСНИК. До сотни – абсурд!.. Говорю как корешу. Будь оно хоть золотое...

ОТЕЦ. Да ты погоди. Подумай сам: ну откуда у доцента возьмется мясо. Да еще – чтобы продавать оптом?.. У нас его нет и для розницы, а ты хочешь оптом. Собственно, как ты думаешь: сколько его у нас может быть?

МЯСНИК. Тонн пять.

ОТЕЦ. Пять тонн?!

МЯСНИК. По одиннадцать с полтинником – это же около шестидесяти кусков. Тебе столько и в лотерее не выиграть!..

ОТЕЦ (*изумленно*). Да кто тебе сказал, что у меня пять тонн мяса?!

МЯСНИК. У меня есть агенты.

ОТЕЦ. Да, граммов семьсот у нас наберется. И не больше. Телятина. В холодильнике. Говорю тебе по правде, как другу.

МЯСНИК. Ну, дружище, имей милость. Ведь если прибавить все расходы, налоги, взятки и все такое, то ты, право, оставляешь меня без штанов. Больше дать не могу.

ОТЕЦ. Нет, он меня доконает. Да ты пойми – нет у меня никакого мяса. Хочешь – забери эти семьсот граммов из холодильника и проваливай. Добром прошу!.. С меня довольно!.. (*Бессильно опускается в кресло.*)

МАТЬ (*поднимается с кресла и берет ситуацию в свои руки*). Денчо, а что это за мясо, о котором тебе донесли твои агенты? Телятина, свинина, баранина?..

МЯСНИК. Да... оно не нашенское... какого-то животного... точно не знаю... весом около пяти тонн...

МАТЬ. Ясно. Мамонта, что ли?

МЯСНИК. Да вроде того.

МАТЬ. Послушай, Денчо, эти животные вымерли очень-очень давно...

МЯСНИК. Так ведь нынче-то кто ест не замороженное.

МАТЬ. Постой, я тебе сейчас объясню. Они вымерли еще в нижнем плейстоцене, понимаешь, это древнейший период кватернера, вымерли с наступлением ледникового периода. До нашего времени сохранились лишь отдельные экземпляры, замороженные... Миллион лет тому назад.

МЯСНИК. Это ничего. Миллионом больше – миллионом меньше, какая разница. Ну кто разберет, сколько ему миллионов? Оно ведь мясо? Народ наш не разбалованный!..

МАТЬ. Господи... (*Отцу.*) Объясни ему ты, я чувствую, что схожу с ума!.. (*Снова садится в кресло.*)

ОТЕЦ (*поднимается с кресла*). Денчо, ты только послушай. То, о чем тебе говорили, будто это мамонт, на самом деле не мамонт, а просто пятно, которое похоже на мамонта. Поэтому мы и назвали его мамонтом, понимаешь? А так это всего лишь пятно. От сырости. И в нем ни грамма мяса. Понимаешь? Оно было здесь, а потом исчезло. Понимаешь?..

МЯСНИК. Да, я понимаю, что вы мне не хотите продать. Держите меня за неуча. Вы, мол, интеллигенция, а я неотесанный мясник. И по-

вашему выходит – я не человек. По-вашему я могу и загнуться, и могу жить, как собака, в сарае, могу по целым дням разделывать замороженные туши, резать ребра, рубить лопатки, а как до дела доходит, то я не человек. Я из массы... Из тех, что копошатся в грязи, вкалывают, кормят вас, вот тут и спрашивается: отчего увеличивается пропасть между народом и интеллигенцией... Будь я профессор, вы бы мне продали, разве не так?.. И в подходящую бумагу бы завернули... Но я человек простой, из народа, трудяга... Мне не положено... Потому как профессор отвалит вам по пятнадцать целковых за кило, разве не так?.. У них-то бабок навалом!.. А потом – почему мяса нету... Нету – потому как такая вот у нас интеллигенция... У других народов как получается, что у них и мясо есть, и интеллигенция?.. А у нас – ни мяса, ни интеллигенции. У нас, говорят, скудность на ископаемые!.. Но – надо же – нашли, выкопали, а народу – шиш!.. Опять перепало интеллигенции!.. А знай разглагольствуем о демократии!.. Потому-то и мяса нету!.. И не будет!.. Потому как у нас – ни одного, ни другого!..

Раздосадованный Мясник достает из кармана кепку, нахлобучивает на голову и выходит, громко хлопнув дверью. Тишина. Пауза. Мать и Отец не могут прийти в себя, потрясенные монологом Мясника. В наступившей тишине дверь спальни тихонько открывается и на пороге останавливается Кузина, которая в самом начале приехала с Тиховым. Женщина сонно зевает и потягивается... Оглядывается по сторонам.. Мать и Отец ее не замечают.

КУЗИНА. Который час?.. (*Хозяева испуганно оборачиваются.*) А Тихова разве нету?

ОТЕЦ (*изумленно*). О, вы еще здесь?.. Тихов давно ушел. Мы про вас совсем забыли.

КУЗИНА. Я уснула. *(Протирает глаза.)* Ждала его, ждала – и задремала. А он, выходит, так и не появился.

ОТЕЦ. Да. Ему пришлось отлучиться. По неотложному делу.

КУЗИНА *(подходит к столу, садится, начинает чистить апельсин)*.

У него все дела неотложные. Могу ли я подождать у вас, вдруг он позвонит. Он, наверно, забыл, где меня оставил, но может вспомнить. Сердится, когда я его не жду на месте.

МАТЬ. И часто с ним такое случается?

КУЗИНА. Что именно?

МАТЬ. Забывать вас?..

КУЗИНА. Да, бывает.

МАТЬ. Забывает вас, как зонтик?..

КУЗИНА *(невозмутимо)*. Зонтики он не забывает.

МАТЬ. Ладно, ну, скажем, как пакет, а вы сидите и его дожидаетесь?..

Пока он не вспомнит, где именно вас забыл?.. А если не вспомнит?

КУЗИНА. Обычно он вспоминает. Через день или два.

МАТЬ. Через день или два?! И вы ждете?!

КУЗИНА. Как-то раз... *(Отправляет в рот ломтик апельсина.)* ...Мне

осточертело... *(Жует.)* И я ушла... *(Продолжает жевать.)* Думаю:

вот дождусь автобуса – и уеду... *(Отправляет в рот новый ломтик.)*

Иду, смотрю: кругом бананы, негры, страусы... *(Жует.)* Зимбабве.

МАТЬ. Зимбабве?! В Африке?!

КУЗИНА. Не просто в Африке... *(Жует.)* А в заповеднике. *(Жует.)*

Меня окружили... *(Проглатывает.)* Я не знаю их языка... Они не знают моего языка... *(Отправляет в рот новый ломтик.)* Цирк да и только.

Кузина рассказывает об этих вещах спокойно, обыденно, для нее в них нет ничего необычного или странного. Повседневность.

МАТЬ (*заинтересованно*). И что потом?

КУЗИНА. Меня вернули. (*Жует.*) Чартерным рейсом. (*Жует.*) И это плохо... (*Проглатывает.*) Прилетаем все ночью. Машины... самолеты... снова машины... (*Жует.*) Не знаешь, где ты...

МАТЬ. Да, нелегко вам приходится.

КУЗИНА. Тихов злится. (*Жует.*) Что забывает. (*Жует.*) А я что... мне без разницы – здесь я или где-то еще... Раз было: жду его день, жду два, кругом ни души, надоело мне ждать, звоню по телефону, набираю городские, междугородние... наконец попадаю на Тихова, он говорит, мол, хорошо, что позвонила, ты где сейчас?.. Не знаю, говорю, то ли это вилла, то ли резиденция... Он злится. А ты, говорит, выйди, осмотришь, ну как так можно?!.. Выхожу, смотрю: горы. Говорю ему: тут горы. Какие горы?.. А я откуда знаю, говорю, горы – как горы. Да какие это горы, говорит он – Рила, Родопы или Пирин?.. Да ты вообще-то в Болгарии?.. Не знаю, говорю, тут не написано. Очень он злился тогда. (*Громко смеется.*) А так он человек добрый.

ОТЕЦ. А он в самом деле... занимается с вами этим делом? Хочу сказать – в спальне?

МАТЬ. Иван!..

КУЗИНА. Когда как. Обычно заходит по два или три раза за вечер.

ОТЕЦ. По два-три раза?!

КУЗИНА. Почти не случилось, чтобы не зашел ни разу, как сегодня вечером.

МАТЬ. И вы все это время сидите внутри безвылазно. И ждете его?

КУЗИНА. Я беру с собой книгу или вяжу. А иногда решаю кроссворды.

МАТЬ. Господи!.. Да как вы можете?!

КУЗИНА. Плохо то, что он требует, чтобы я все это время думала о нем. И не любит, когда я медленно раздеваюсь.

МАТЬ. Невероятно.

КУЗИНА. Я не против того, чтобы думать о нем, но мне надо заниматься, читать. Я учусь заочно.

ОТЕЦ. Значит, по два-три раза?!

МАТЬ. Иван!..

КУЗИНА. Это в среднем. Бывает меньше. Бывает больше.

ОТЕЦ. Не может быть!..

МАТЬ (*смотрит на него с возмущением*). Ну, а у вас остается время на подготовку к экзаменам?

КУЗИНА. Да, скажу откровенно – еле укладываюсь. Тихов спрашивает, какой диплом мне нужен. Как-то раз даже принес два-три. Он забыл, какая у меня специальность – медицина или физика... С печатями, подписями... Только я хочу честно. Получить знания.

МАТЬ. Внимательный человек.

КУЗИНА. По душе он неплохой. Вот только то, что он делает с рыбками...

ОТЕЦ. А что он делает с рыбками?

КУЗИНА. Да что... Достанет рыбку сачком из аквариума и держит так без воды... Пока у той глаза не начнут вылезать из орбит. А потом пускает обратно в воду. И опять вынимает...

МАТЬ. Да, это вот нехорошо.

КУЗИНА. Я ему то же самое говорю. А он только глянет на меня... и принимается за шитье.

ОТЕЦ. Это его успокаивает, да?

КУЗИНА. Да как сказать. Иногда злит еще больше. Когда не получаются петли. Петли он вообще не может делать. Я сперва пробовала говорить ему про это, но он приходил в такую ярость, что начинал гоняться за мной с ножницами... И я перестала. Ведь он уверен, что лучше него никто не способен это сделать. Главное, чтоб была бортовка. Есть ли бортовка, в конце концов все кончается благополучно. *(Пауза.)* Вы не против, если я пойду опять лягу?.. Если он позвонит, вы ведь позовете меня?

МАТЬ. Конечно. Сразу же.

КУЗИНА. Я вам буду очень признательна. *(Уходит в спальню.)*

ОТЕЦ. В среднем!..

МАТЬ. Что?

ОТЕЦ. А иногда и больше!.. Я имею в виду Тихова.

МАТЬ. Я понимаю, что это тебя впечатлило, но хочу тебе напомнить, что мамонт все еще там – в ванной.

ОТЕЦ. Что ты хочешь этим сказать?

МАТЬ. Нет ничего удивительного в том, что может позвонить Тихов. Или явится. Чтобы забрать свою "кузину". Для нас это – последний шанс. То, что удастся сделать до тех пор. Если опоздаем с этим, то Вены нам точно не видать. Останемся навечно здесь. Поэтому – не расслабляйся!..

ОТЕЦ. Я собран уже целых пятьдесят лет. И именно в этом моя ошибка.

МАТЬ. Если мы ответим на три вопроса, поездка в Вену обеспечена. Ты ведь их помнишь, не так ли?.. Первый вопрос: что это такое?

(Указывает на стену, где было пятно.) Второй: где наша бабка?.. А третий: кто замурован в панели?.. Ты знаешь ответы?

ОТЕЦ. Знаю.

МАТЬ. Ладно, послушаем. Итак, что это? (Указывает на стену, где было пятно.)

ОТЕЦ. Плод галлюцинации.

МАТЬ. Хорошо. Результат смазывания фитилей и так далее. А где наша бабка?

ОТЕЦ. Бабка наша... бабка... Где же она?

МАТЬ. Ты же был готов ответить?

ОТЕЦ. Ладно. (Думает.) Она... она... Уехала в деревню.

МАТЬ. Не очень убедительно, однако сойдет. Тихов ведь сам деревенский. Ответ на третий вопрос отпадает сам собой.

ОТЕЦ. Я предлагаю на всякий случай заложить дверь в ванную.

МАТЬ. А вдруг он опять вернется в холл?.. И потом – где мы будем купаться?

ОТЕЦ. Купаться будем в Вене. Месяц-два как-нибудь перебьемся.

МАТЬ. Нет, лучше просто запереть дверь. Будем говорить всем, что в ванной ремонт.

ОТЕЦ. Я согласен.

МАТЬ. Остается решить, как быть с Божидаром.

ОТЕЦ. Ему лучше ничего не говорить.

МАТЬ. Почему?

ОТЕЦ. Чего доброго все испортит. А я поговорю с Тиховым. Скажу, что мальчик наш признал свою вину и просит его извинить. Мол, он не знал, что будут такие последствия. Он смазывал впервые.

МАТЬ. Согласна.

ОТЕЦ. Значит, в ванную никого не пускаем, за Божидаром приглядываем и говорим, что вся причина в галлюцинации.

МАТЬ (*мечтательно*). Может, все же... поживем хоть немного по-человечески... А?... Вена... Опера... в этом городе столько музыки...
(*Пауза. Тишина. Оба предаются мечтаниям.*)

В эту минуту в холл входит Сын в надвинутой до бровей шляпе "борсалино". Руки в карманах. В таком виде он смахивает на ганстера. Садится.

МАТЬ. Божидар!..

СЫН. И с шляпой мне не повезло. (*Сдвигает шляпу на затылок.*)

ОТЕЦ. Ну что?

СЫН. Про бабушку никто ничего не знает.

ОТЕЦ. А где ты ее искал?

СЫН. Да везде. Во всех местах, где она могла быть.

МАТЬ. Никто не знает тех мест, где бы могла находиться наша бабка.

Даже она сама. Так что не волнуйся.

ОТЕЦ. Вероятно, сейчас где-нибудь обсуждает проблемы общеевропейского дома. Когда все аспекты будут исчерпаны, она вернется.

СЫН. Я в этом не уверен.

ОТЕЦ. Почему?

СЫН. Не знаю. У меня предчувствие. Не могу успокоиться.

(*Изумленно.*) О?! А где же мамонт?!

ОТЕЦ. Исчез.

СЫН. Исчез?.. Как так – исчез?..

ОТЕЦ. Мы в первую минуту не заметили. Потом, в какой-то момент, смотрим на стену, а его там нет.

СЫН. Странно... Ну да теперь хотя бы о нем не надо думать.

МАТЬ. Ты проголодался?

СЫН. Мне вообще не хочется есть. Отец, а почему бы нам не обратиться в милицию по поводу пропажи бабушки?

ОТЕЦ. Так сразу в милицию?.. Не будем спешить, она ведь и раньше задерживалась. Успокойся.

МАТЬ. В сущности, это неплохая идея. Думаю, лучше все-таки заявить. Ну что нам стоит? А если она придет, извинимся.

ОТЕЦ (*смотрит на нее*). Ну... хорошо... Раз вы так считаете...

(*Встает, подходит к телефону, набирает номер.*) Алло... Алло... Это отделение милиции? Хочу сообщить вам о пропаже человека... Да, человек... пожилая женщина... Рада Антонова... да, это моя мать... да... да... понимаю... понимаю. Благодарю!.. (*Кладет трубку.*)

МАТЬ. Что сказали?

ОТЕЦ. Чтобы мы составили словесный портрет. Глаза, волосы, фигура, особые приметы... Все подробности. И отнесли им.

МАТЬ. Ну что же – приступим?.. С чего начнем?

ОТЕЦ (*берет лист бумаги, ручку, садится за стол*). Начнем с глаз.

Итак, пиши: глаза... Какие у нее глаза?

МАТЬ. Мм-мм-мм... нормальные.

ОТЕЦ. Глаза – нормальные. (*Записывает.*) Цвет: карие.

МАТЬ. Не карие, а черные.

ОТЕЦ. Нет, не черные.

МАТЬ. Глаза у твоей матери абсолютно черные.

ОТЕЦ (*задумывается*). Нет... не черные... Может, они и не карие, но вовсе не черные... Это точно... Серые?

МАТЬ. Глупости. Да ты посмотри на свои глаза.

ОТЕЦ. Я похож на отца.

МАТЬ. Не может быть, чтобы у нее были серые глаза, и я не заметила.

ОТЕЦ. Я хорошо помню, что они карие.

МАТЬ. И вовсе не карие. Ну ладно, давай напишем: "темные"?

ОТЕЦ. Согласен. (*Пишет.*) Тем...ные... А волосы?

МАТЬ. Пепельные.

ОТЕЦ. А может, белые?

МАТЬ. Скорее – с проседью. Пиши так: "пепельные", тире, "с проседью". Правда, я в этом не очень уверена.

СЫН (*вновь нахлобучивает шляпу на лоб, до самых глаз, откидывается на спинку кресла*).

ОТЕЦ (*записывает*). Волосы пепель...ные... тире с про...седью...
Короткие.

МАТЬ. Средней длины.

ОТЕЦ (*зачеркивает и снова пишет*). Сред...ней длины.

МАТЬ. Рост – высокий.

ОТЕЦ (*пишет*). Рост... (*Прекращает писать.*) Как – высокий, она низкого роста!.. Не дотягивает и до метра шестидесяти!..

МАТЬ. Во-первых, метр шестьдесят – это средний рост, а во вторых, она гораздо выше.

ОТЕЦ. Рост выше, чем метр шестьдесят?.. У мамы?.. Ради бога!..

МАТЬ. А по-твоему, какой рост у меня?

ОТЕЦ. Метр семьдесят. Я знаю.

МАТЬ. Ведь она такого же роста.

СЫН (*сидит неподвижно в кресле, надвинув низко шляпу, которая закрывает почти все лицо*).

ОТЕЦ. Такого же роста?.. Не смеши меня!.. Мама – старая женщина низенького роста.

МАТЬ. Она старая, но не низенького роста.

ОТЕЦ. Вот еще, ты хочешь сказать, что я не знаю собственной матери.

МАТЬ. Раз твердишь, что она малого роста...

ОТЕЦ. Да, очень маленькая старушка....

МАТЬ. Впрочем, пиши, что хочешь. Но по такому описанию ее никогда не найдут, потому что она старая женщина высокого роста.

ОТЕЦ (*без колебаний пишет*). Рост... низ...кий. Особые приметы?.. Да, на левой щеке – шрам от ожога. (*Записывает.*) А давай напишем: "рост – средний"?.. Что скажете?.. В скобках. После "рост низкий"?..

МАТЬ. По-моему, срамотища.

ОТЕЦ. Ладно, не буду писать. Еще какие особые приметы?.. (*Думает.*) Да, она как-то странно подмаргивает и... у нее на левой щеке... шрам от ожога... (*Записывает.*)

МАТЬ. Ты описываешь Косишконого.

ОТЕЦ (*хватается за голову*). И правда!.. (*Зачеркивает.*) Потому что он постоянно мозолит мне глаза... Итак... особые приметы... особые приметы... Да вроде никаких, а?

МАТЬ. Мы не написали про нос.

ОТЕЦ. Что – про нос?

МАТЬ. Ну, какой у нее нос.

ОТЕЦ. Да какой может быть нос? Нормальный.

МАТЬ. Римский, орлиный, прямой, кривой, мясистый, сухой, длинный, короткий, курносый...

ОТЕЦ. Только не курносый. В сущности, я никогда не задумывался над тем, какой у нее нос. Но думаю, что не римский. У меня какой?

МАТЬ. Ты же говоришь, что похож на отца?

ОТЕЦ. Только глаза.

МАТЬ. У тебя нос прямой, короткий, нормальный.

ОТЕЦ. Так и запишем... (*Записывает.*) Прямой... короткий... нормальный... Что еще написать?

МАТЬ. А она не хромает?

ОТЕЦ (*возмущенно*). Да ты что? Это бабка моя была хромая, мать не хромала никогда.

МАТЬ. Извини, это я по ассоциации. Надо написать, во что она была одета.

ОТЕЦ (*думает*). Кажется... она была в моем плаще...

МАТЬ. В белом?

ОТЕЦ. Да... он почти... белый... полинявший... Когда-то, кажется, был синий...

МАТЬ. Важно то, что он линялый. Так и пиши – полинявший плащ.

СЫН (*продолжает сидеть неподвижно в надвинутой на лоб шляпе*).

Пока Отец вписывает последние данные, в холл входит Участковый. Он строго осматривает холл и находящихся в нем людей. Мать и Отец в страхе застывают.

УЧАСТКОВЫЙ. Добрый вечер! Вы Иван Антонов?

ОТЕЦ. Да...

УЧАСТКОВЫЙ. А я ваш участковый.

ОТЕЦ. Очень приятно.

МАТЬ. Присаживайтесь, пожалуйста.

УЧАСТКОВЫЙ. Я лучше постою. *(Осматривается.)*

СЫН *(никак не реагирует, по-прежнему сидит в надвинутой на лоб шляпе).*

УЧАСТКОВЫЙ. А это кто?

МАТЬ. Это наш сын.

УЧАСТКОВЫЙ *(подходит к нему, приподнимает шляпу, смотрит на его лицо, опять нахлобучивает шляпу, Сын не реагирует).* Меня интересует гражданка... *(Достает из кармана лист бумаги.)*... Рада Антонова... Где она?..

Пауза. Отец и Мать переглядываются. Сын сидит безучастно, не двигаясь.

УЧАСТКОВЫЙ. Так могу я видеть эту гражданку? Где она?

ОТЕЦ. Она в деревне.

СЫН *(приподнимает одним пальцем поля шляпы, смотрит на отца. И снова опускает палец и закрывает лицо. Подражание жестам Клинта Истуда.)*

УЧАСТКОВЫЙ *(достает записную книжку и записывает).* Как называется село?

ОТЕЦ. Певцы.

УЧАСТКОВЫЙ. Какие еще певцы?.. Я спрашиваю, как называется село, куда уехала Рада Антонова.

ОТЕЦ. Село Певцы. Так оно называется.

УЧАСТКОВЫЙ *(записывает название).*

ОТЕЦ. Вблизи города Елена, в горах. *(Участковый записывает.)*

УЧАСТКОВЫЙ. Когда она уехала?

ОТЕЦ. Сегодня. *(Участковый записывает.)*

УЧАСТКОВЫЙ. Там почта есть?

ОТЕЦ. Нету. Почта в городе Елена. *(Участковый записывает.)*

УЧАСТКОВЫЙ. Ладно, почты там нет. А могу я осмотреть вашу ванную?..

Застигнутые врасплох, Отец и Мать испуганно переглядываются.

ОТЕЦ. Да... вы знаете... у нас там ремонт. Если вам надо вымыть руки, то можно в кухне.

СЫН *(приподнимает указательным пальцем шляпу, удивленно смотрит на отца и снова надвигает шляпу низко на лоб.)*

УЧАСТКОВЫЙ. Я не хочу мыть руки. Хочу видеть вашу ванную.

ОТЕЦ *(пребывает в нерешительности)*. Но... *(Не знает, что делать.)*

УЧАСТКОВЫЙ. Что, вам, я вижу, не хочется показывать?

ОТЕЦ. Ну что вы, напротив! Пожалуйста, смотрите... *(Бросив взгляд на мать, ведет Участкового в ванную. Оба выходят.)*

СЫН *(не меняя позы)*. Что здесь происходит?

МАТЬ *(с тревогой смотрит на дверь, за которой скрылись мужчины)*. Да ничего особенного.

СЫН. С каких это пор в ванной ремонт?

МАТЬ. Неожиданная авария.

СЫН. И в чем она выражается?

МАТЬ. Что-то с трубами.

СЫН. Может, наконец-то они полопались?

МАТЬ. Не знаю, этим занимается твой отец.

В эту минуту в холл возвращаются Участковый и Отец. Участковый явно недоволен осмотром.

УЧАСТКОВЫЙ. Придется произвести обыск во всей квартире.

ОТЕЦ. Обыск?.. Какой еще обыск?.. Зачем?

УЧАСТКОВЫЙ. Требуется.

МАТЬ. Мы ничего не нарушали!.. Как так – делать обыск!..

УЧАСТКОВЫЙ. Есть причина.

ОТЕЦ. Послушайте... Я доцент, преподаватель университета...

УЧАСТКОВЫЙ. Мне нечего слушать.

ОТЕЦ. Я протестую. Это антиконституционно!..

УЧАСТКОВЫЙ. Протестуй, сколько хочешь!.. (*Осматривается.*) Так, с чего начнем?.. Где у вас кухня?

МАТЬ. Вы не имеете права!..

УЧАСТКОВЫЙ. Я вас спрашиваю не о праве, а о кухне!..

СЫН (*поднимается с кресла, сдвигает шляпу со лба*). Эй, товарищ милиционер, да ты в своем уме?..

УЧАСТКОВЫЙ (*от неожиданности растерялся*). Чего?!.. А ну-ка сними шляпу, когда разговариваешь со мной!..

СЫН. Шляпу я сниму, да только ты мне ответь – у тебя с головой все в порядке?

УЧАСТКОВЫЙ (*выходит из себя*). Слушай ты... да я тебя сейчас!..

СЫН. Арестуешь. Ясно. Это ты можешь. А вот подумать сначала хоть чуточку не можешь? И присмотреться получше?..

УЧАСТКОВЫЙ. Нечего мне присматриваться. А ты лучше помалкивай!..

СЫН. Так-то так, но ты вот, когда смотришь по сторонам и видишь здесь этот стол, а на нем все эти яства – жареные перепела, рыба, изюм и все прочее, тебе это ни о чем не говорит?..

УЧАСТКОВЫЙ. А про что это должно говорить?..

СЫН. Тебе не приходит в голову, что у нас был званый ужин?.. Или ты, может, думаешь, что мы каждый вечер едим все это?

УЧАСТКОВЫЙ. Да мне-то какое дело до того, как вы тут ужинаете!..

СЫН. Не как, а с кем!.. Как ты думаешь, кто был приглашен к нам на ужин?.. Кто ушел всего с полчаса тому назад?..

УЧАСТКОВЫЙ (*слегка смутившись*). Откуда мне знать.

СЫН. Тихов!.. А ты знаешь, кто такой Тихов?!

УЧАСТКОВЫЙ (*испуганно*). Знаю, как не знать... еще бы... Его здесь каждый знает!..

СЫН. И ты собираешься делать обыск у человека, который сидел за одним столом с Тиховым?! Здесь, всего полчаса назад?!

УЧАСТКОВЫЙ. Ну да... это не обязательно... Я только так... проходил мимо...

СЫН. Ты меня просто удивляешь, а еще участковый. Посмотри-ка на стол – чего только на нем нет: и перепела, и форель, а тебе ведь известно, что сейчас не сезон, посмотри, как красуются эти рыбки на блюде – это значит, что здесь был Тихов!.. И это правда!.. Вот сразу и смекни, дружище, что к чему! Хочешь, я наберу его номер, и ты у него спросишь?.. (*Снимает телефонную трубку.*)

УЧАСТКОВЫЙ (*испуганно*). Нет!.. Нет!.. Ни в коем случае!.. Будь добр, не надо!.. Да я по запаху чувствую, что он был здесь...

(*Принюхивается к цветам.*)... Просто я в первую минуту... отвлекся... Это все Косишкий... он меня подвел: убийство, говорит, случилось,

старуху убили, а в ванной разводят мамонтов, уже по всему дому расползлись, с этой заразой, говорит, надо кончать...

ОТЕЦ. Косишкий, значит...

УЧАСТКОВЫЙ. Так точно. Есть, мол, сигналы от граждан, весь квартал под угрозой.

ОТЕЦ. Под какой угрозой?

УЧАСТКОВЫЙ. Под угрозой мамонтов. То и дело звонят. А Косишкий уверяет, что гнездо этой заразы у вас, что вы их разводите и уже заразили весь квартал. Он явился ко мне во время моего дежурства, а я уже хватался за голову, не зная, что делать. Потому как уже и из других районов начали звонить.

ОТЕЦ. Что – там тоже мамонты?!

УЧАСТКОВЫЙ (*садится на стул*). Да, и там. (*Вытирает платком вспотевший лоб.*) Такого у нас еще никогда не было. Чтоб во всем городе развелись мамонты.

ОТЕЦ. Смотри-ка!..

УЧАСТКОВЫЙ (*внезапно всхлипывает*). А кому приходится этим заниматься? Милиции. Ну да, говорю я, мы вот только мамонтами еще не занимались, а куда смотрит академия наук, специалисты, нам-то как быть с этими мамонтами?.. (*Всхлипывает.*) Ничего, говорят, будете заниматься, вы у нас попляшете... А как пришел Косишкий...

(*Участковый плачет, вытирает вспотевший лоб.*) Прошу меня извинить!..

ОТЕЦ. Да вы не тревожьтесь так!.. Я вполне вас понимаю!..

УЧАСТКОВЫЙ (*не перестает плакать*). Что бы где ни случилось – милиция виновата. Потому как нас за людей не считают. (*Плачет.*) А ведь у нас тоже есть дети, нас тоже матери на свет рожали...

(Всхлипывает.) Так что же теперь: вот вытопчут эти мамонты всю Софию, смешают город с землей, кто тогда будет виноват, опять-таки мы, кто же еще? И ну срывать нашивки, позорить в газетах, пугать нами детей, одним словом, втаптывать в грязь... Господи, ну чего я не пошел в плотники... Нет, это жизнь!.. *(Всхлипывает.)*

МАТЬ *(сочувственно)*. Вы бы выпили рюмочку!..

УЧАСТКОВЫЙ. Я при исполнении.

МАТЬ. Ну, по исключению!..

УЧАСТКОВЫЙ. Что ж, если по исключению... *(Выпивает рюмку.)* Уж эти новые жилые районы! Вечно там что-нибудь да случается... То лошадь на четвертом этаже держат, то соорудят посреди холла кузнечный мех и лудят посуду, соседям от этого чада дышать нечем, то лифт уволокут... А теперь вот – мамонты!..

ОТЕЦ. Как? Воруют лифты?

УЧАСТКОВЫЙ. Воруют.

ОТЕЦ. Да как же это? Снимают двери... и разбирают на части?..

(Наливает ему еще рюмку.)

УЧАСТКОВЫЙ. Какое там! Целиком. Вечером лифт на месте, а утром – нет его. Пусто. Одна шахта. *(Выпивает рюмку.)*

ОТЕЦ. Да такого быть не может. Как же они его перевозят, как вытаскивают?..

УЧАСТКОВЫЙ. А этого никто не знает. Лифт будто испарился. Когда надо его починить, целую неделю не допросишься, чтобы спустили кабину вниз, на первый этаж, а как воровать – будто его ветром сдувает. *(Пауза.)* Что ж, благодарю за угощение, пойду я – служба, знаете, ждать не любит. Кто знает, сколько этих мамонтов уже расплодилось. А как доберутся до магистрали, глядишь мимоходом по

всем городам и поселкам аж до самого Пловдива расползутся .

Спокойной ночи!.. (*Берет под козырек.*)

ОТЕЦ. Спокойной ночи.

МАТЬ. Легкого вам дежурства.

СЫН. До свидания.

Участковый уходит. Пауза. Сын опять надвигает шляпу на лоб до самых глаз и садится в кресло.

МАТЬ. Божидар справился великолепно.

ОТЕЦ. Да он и так бы ничего не нашел, но Божидар в самом деле его огорошил...

МАТЬ. А мы все считаем его ребенком...

ОТЕЦ. Какой он тебе ребенок!..

Божидар молча поднимается и в надвинутой на глаза шляпе выходит.

МАТЬ. Что это с ним?

ОТЕЦ. Не знаю.

МАТЬ. А что там в ванной?

ОТЕЦ. Повезло нам. Я только повернул выключатель, а лампочка возьми и взорвись. Там почему-то случается короткое замыкание.

Участковый огляделся в потемках, пощупал стену руками, пару раз толкнул ее ногой – и вышел.

МАТЬ. Может, он темноты боится?

ОТЕЦ. Глупости! Он решил, что мамонты переместились в другое место. Поэтому хотел делать обыск. Ему показалось, что ванная для них слишком мала.

МАТЬ. Она и в самом деле мала.

ОТЕЦ. Да, и выключатель не в порядке, и плитка потрескалась... Да, я это знаю!!.. Но у нас сейчас есть дела поважнее. В городе только и разговоров, что о появившихся мамонтах, милиция просто с ног сбилась, а ты мне говоришь о проблемах с ванной!.. При положении, что мамонты уже развелись далеко за пределами нашего города!..

СЫН (*входит*). Я все понимаю, одно мне не ясно, зачем вы обманывали меня!

ОТЕЦ. Что ты хочешь сказать?

СЫН. И я принял за чистую монету!..

ОТЕЦ. Ты что-нибудь увидел в ванной?

СЫН. Догадайся, что я увидел.

ОТЕЦ. Там ничего нет. И участковый это видел.

СЫН. Незачем лезть из кожи, я не участковый.

ОТЕЦ. Ну, разве сейчас что-то появилось. Спустя некоторое время.

СЫН. Отец, не надо.

ОТЕЦ. Честное слово.

СЫН. Отец, участковый уже ушел.

ОТЕЦ. Что ты хочешь сказать?

МАТЬ. Ладно, хватит! Мне уже надоело!.. Ты там увидел мамонта, ведь так?

СЫН. Для чего нужно было меня дурачить? Я ведь не чужой. Кому нужно все это?

МАТЬ (*усталым голосом*). Это был наш последний шанс. Последний шанс поехать в нормальный человеческий мир, где портные занимаются тем, что шьют, повара – готовят еду, и где каждый человек кое-что значит. Где неграмотные учатся грамоте, а не управляют. И не распоряжаются твоей жизнью от колыбели до самой могилы.

Последний шанс. И тут появился этот мамонт.

СЫН. И теперь все пропало, ведь так?

МАТЬ. Тихов все еще может позвонить. И, если мамонта не окажется, а бабка твоя в деревне, мы сможем поехать в Вену.

СЫН. И вы переправили мамонта в ванную?

МАТЬ. Он переправился сам. Если бы это зависело от нас, мы бы от него вообще избавились. Потому что из-за него сорвется наша поездка в Вену.

СЫН (*тоже усталым голосом*). А что мы будем делать в Вене?

ОТЕЦ. Как – что?..

СЫН. Там тоже будем наводить лоск на какую-нибудь швейную машинку. И закупать бортовку для какого-нибудь местного повара.

МАТЬ. Ничего подобного.

СЫН. Там живут свободные люди. Что мы будем делать среди них?

МАТЬ. Стоит поехать туда – и мы станем свободными.

СЫН (*качает головой*). Свободными люди становятся по-другому. Для этого недостаточно пересечь границу.

ОТЕЦ. Что ты хочешь сказать?

СЫН. От себя не убежишь.

МАТЬ. Это теория.

СЫН. Вена нам не подходит.

МАТЬ. Почему?

СЫН. Что мы будем делать там – среди нормальных людей?.. Мы будем просто смешны. Подобия.

ОТЕЦ. Ты совершенно не прав. Способный человек везде пробьет себе дорогу. Все дело в концентрации энергии.

СЫН. Ехать туда есть смысл, если только мы будем чувствовать себя равными.

МАТЬ. Ты рассуждаешь, как чистой воды славянин. Тебя переполняют комплексы. Мы поедем туда и будем – как свободные люди состязаться со свободными людьми.

СЫН. Мы еще только готовимся стать свободными. И можем стать свободными только здесь.

МАТЬ. Именно здесь ты никогда не станешь свободным. Здесь нет ничего, кроме невежества и бедности.

СЫН. Я смогу туда поехать только как равный.

ОТЕЦ. Ты не веришь, что мы сможем пробиться?

СЫН. Мы не верим ни во что. Ты знаешь.

ОТЕЦ. А если все-таки сможем?

СЫН. Меня это очень мало интересует. Буду ли я подавать кому-то бортовку, или буду шить сам. Ничего другого нам не остается.

МАТЬ. Ты рехнулся!.. Откуда тебе такое в голову лезет?

ОТЕЦ. В сущности, чего же ты хочешь?

СЫН. Ничего.

ОТЕЦ. Я спрашиваю серьезно.

СЫН. А я серьезно отвечаю.

ОТЕЦ. Не может быть, чтобы ты не хотел ничего!..

СЫН (*молчит*).

ОТЕЦ. Скажи что-нибудь!..

СЫН. Я уже сказал.

ОТЕЦ. Ты не можешь ничего не хотеть!.. Это нонсенс!..

СЫН (*молчит*).

ОТЕЦ. Ты не можешь ничего не хотеть!..

СЫН (*молча встает*).

МАТЬ. Ты куда?

Сын молча надвигает низко на лоб шляпу "борсалино" и направляется к выходу...

МАТЬ. Ты куда?!.. Ты вернешься?..

СЫН (*выходит молча*).

Пауза. Мать выбегает в коридор вслед за Сыном. Отец остается в холле в одиночестве.

МАТЬ. Божидар!.. Божидар, вернись!.. Вернись, ты меня слышишь?!..

Божидар!.. (*Возвращается в холл.*) Сделай что-нибудь!.. Он ушел!..

ОТЕЦ (*мрачно*). Ничего, вернется.

МАТЬ (*в отчаянии*). Ушел!..

ОТЕЦ. Вернется.

Мать и Отец стоят вдвоем в празднично убранном холле возле стола. В стороне стоит швейная машинка "Зингер" 1934 года выпуска. Оба молчат. Старые настенные часы начинают отбивать время. Бьют долго... Потом устанавливается тишина. Мать и Отец садятся за стол и долго сидят молча. В ожидании. Опять тишину нарушает бой часов... И снова тишина. Оба сидят, ждут...

МАТЬ. Никто не приходит.

ОТЕЦ. Придут.

Мать и Отец молча сидят за столом, устремив невидящие взгляды в пространство. Они ждут... Время идет...

МАТЬ *(внезапно)*. Ты слышишь?.. *(Указывает пальцем.)*

ОТЕЦ. Что?

МАТЬ. Вот опять... Неужели не слышишь?.. *(Оба прислушиваются. Никаких звуков не слышно.)*

ОТЕЦ. Что я должен услышать?

МАТЬ. Они кукарекают!.. Петухи!.. *(Отец смотрит на нее со страхом.)* Кукарекают!..

ОТЕЦ. Марта!! *(Вскакивает и смотрит на нее с ужасом.)*

МАТЬ. Господи, когда наконец кончится эта ночь? Ведь вот уже вроде и петухи поют?

ОТЕЦ *(в отчаянии медленно садится на стул рядом с ней и молчит)*.

МАТЬ *(в полной тишине)*. Поют... *(Ее лицо озаряет счастливая улыбка.)*

ОТЕЦ *(сидит рядом с ней, глядя перед собой, молчит)*.

Сидя за празднично сервированным столом посреди просторного холла, Мать и Отец слушают "пение петухов"...

К о н е ц